

Урожайный Фестиваль

Наталья Александрова

ИГРА

случая

Наталья Николаевна Александрова

Игра случая

Серия «Детектив-любитель»

Надежда Лебедева»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163260

Игра случая: АСТ; Москва; 2009

ISBN 978-5-17-048447-8, 978-5-9713-7386-5

Аннотация

Начальник отправил Милку и Перу домой – прятать от нагрянувшей проверки черный нал. И надо же – по дороге они разминулись...

Милка примчалась к Лере домой, а там – ни Леры, ни денег, которые придется отдавать...

Пропавшие деньги, череда загадочных убийств, найденные при ремонте старой квартиры офорты Рембрандта... Ситуация, что и говорить, непростая. Но детектив-любитель Надежда Лебедева не боится трудностей.

Содержание

Часть I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Наталья Александрова

Игра случая

Часть I

Воскресенье, 21 марта

– Господи, ну когда же наконец придет этот несчастный телемастер! – Нина Березина с ненавистью уставилась на дергающийся экран «Панасоника». – А еще говорят, что японская техника не ломается!

– Золотце, не нервничай. Нам же сказали, что он сам позвонит. Подожди немножко.

– Хорошо тебе говорить – уткнулся в свой компьютер, и дела тебе не до чего нет, а мне чем прикажешь заниматься в воскресный вечер?

Геннадий оторвался от монитора.

– А давай сходим в кино. Сто лет не были. В «Заре» какой-то хороший фильм идет, французский. Все-таки из дому выйдем, прогуляемся, кофе выпьем.

– А что за фильм?

– Да сейчас узнаем. – Геннадий встал и подошел к телефону.

В справочном ему назвали номер кинотеатра «Заря». Набирая этот номер, Гена зачем-то скосил глаза на часы. Они показывали 17.21.

Как и каждое воскресенье в 17.15 Мастер зашел к знакомой девушке, работавшей в кино «Заря» администратором. Когда в 17.21 зазвонил телефон, Мастер скосил глаза на табло автоматического определителя номера. Ничего подозрительного, никаких разговоров, никаких записей. Взглянул – запомнил номер – и даже не запнулся на полуслове. А потом, через двадцать минут, из телефона-автомата позвонил по этому номеру.

– Телемастера заказывали?

– Да, конечно, конечно!

– Какой у вас телевизор?

– «Панасоник».

– Место?

– Улица Смирницкого, дом 14, квартира 106.

– Время?

– Во вторник с 10 до 12.

– Кто будет в квартире?

– Все будут.

Мастер повесил трубку. Звонок в «Зарю» не был случайным, звонил заказчик. Пароль был назван верно. Но сам разговор оставил у Мастера ощущение неправильности. Во-первых, эта странная фраза: «Все будут». Обычно заказчик про-

сто называл имя или хотя бы пол и возраст. Ну, в конце концов, у каждого бывают свои причуды. Все равно, аванс он уже получил, и третью неделю ждал команды на исполнение и адрес заказа.

Но пожалуй, больше, чем эта фраза, его насторожила интонация заказчика. Она была какой-то слишком спокойной, как будто человек действительно телемастера вызывает. Заказчики всегда бывают нервными, напряженными, испуганными. Но – все люди разные... Работа есть работа. Аванс получен, пароль назван, адрес известен – надо работать.

Понедельник, 22 марта

На ленч в нашей фирме полагается кофе и гамбургер из соседнего «Макдоналдса», причем за счет фирмы идет только кофе. Гамбургеры из «Макдоналдса» характерны тем, что через неделю на них уже невозможно смотреть, но Витя, наш директор, обожает гамбургеры, а в нашей фирме все делают только то, что хочет Витя. В офисе нас четверо: директор Витя, он же хозяин фирмы, его зам, Сергей, который в основном и выполняет директорскую работу, потому что Витка только орет на продавцов и запирается в кабинете с «крышей» и поставщиками, он это называет «решать вопросы»; еще есть у нас бухгалтер Наталья Ивановна и я, менеджер по продажам. В последнее время к нам еще прибавилась Лера, но Лера – это отдельный разговор.

В этот день с утра было тихо, покупателей никого, поставщики обычно приезжают во второй половине дня, вообще в понедельник после выходного у нас благодать.

Наша фирма торгует запчастями для иномарок, клиенты, естественно, в основном мужчины. Недавно было Восьмое марта, так что, сами понимаете, после такого праздника денег у мужиков не густо, и оборот в нашей фирме упал. Витька помаленьку начинал злиться по поводу оборота, но еще не дошел до той степени злобы, когда с ним становится опасно разговаривать.

И в этот день все было как обычно. Мы тихонько попили кофе, а Серега развлекал нас анекдотами про новых русских. Потом как-то незаметно разговор перешел на случайности. Серега утверждал, что случай играет в жизни человека очень большую роль и что если бы можно было выявить какую-нибудь закономерность, то было бы очень интересно, но случай на то и случай, что его не рассчитать заранее. Сергей у нас по специальности математик, поэтому никак не может отвыкнуть думать на отвлеченные темы. Витька очень на него за это сердится, говорит, что в коммерческих структурах нужно думать только о том, чем торгуешь, а высшую математику выбросить из головы, а заодно и все остальное, что мешает работе.

Поскольку Витька угрюмо молчал, а Лера строила ему глазки, Наталья Ивановна, чтобы разрядить обстановку, стала рассказывать, как случай спас ее мужа от верной тюрьмы.

– Едем мы как-то с дачи поздно вечером, август месяц, темно уже совсем, ехать далеко, время к полуночи, стала я задремывать, а муж торопится, мимо деревень несется, машин-то уже мало. Вдруг откуда-то машина вывернулась встречная, муж в последний момент свернул, думал, там кусты, а там оказался домик маленький. Впилились мы через стенку прямо в комнату, врезались в кровать. Мужа рулем стукнуло, он сознание потерял. Я сижу в кромешной тьме, думаю, что муж погиб и тот, кто на кровати спал, тоже всмятку. И какой-то звук мне мешает, сирена, что ли, а оказалось – это я вою. От этого моего воя муж очухался, ощупала я его, вроде ничего, цел, голову только несильно разбил, а в доме тишина полная, никто не стонет. Выбрались мы потихоньку из машины, тут соседи прибежали, все-таки грохот был сильный. Посветили на кровать – никого нет. Оказывается, хозяйка в ночную смену работала. И главное, дежурство-то не ее было, а просто в этот день напарница ее загуляла и на работу не вышла.

– Да, тетка должна быть напарнице по гроб жизни благодарна!

Витя встал, задал Лере какой-то вопрос, якобы по делу, и увел ее в свой кабинет. Мы расслабились и продолжали приятную беседу.

– Да, – Серега налил себе еще кофе, – вот тоже случайность. Был у меня приятель школьный, Коля такой. За одной партой сидели, дружили, а после школы он в Москву уехал,

там учился, и как-то мы связь потеряли. А прошлым летом отдыхали мы с женой в Турции, сижу это я на пляже на солнышке, вдруг смотрю – Колька идет! Весь из себя видный, и такая с ним красotka – ну обалдеть!

– Не жена небось. – Это мы хором с Натальей не выдержали.

– Да уж конечно! В общем, встретились мы, оказалось, давно он в наш город вернулся, живет рядом со мной. Надо же, думаю, в соседних домах живем, на одной стоянке машины ставим, а, чтобы встретиться, надо было в Турцию улететь?

В это время зазвонил телефон. Наталья Ивановна послушала, изменилась в лице, крикнула «Витя!» и рванула к своему столу. Витя говорил по телефону ровно три минуты. Повесив трубку, он был предельно собран и знал, что делать. Надо отдать ему должное, в трудные минуты он всегда сразу ухватывает самую суть, не тратя времени на ругань и выяснение, кто виноват. Это все он делает потом.

– Звонили из филиала. У них налоговая инспекция шурует вовсю. Едут к нам.

– Ешь твою плешь! – в ужасе выдохнул Серега.

Дело в том, что именно сегодня у Витьки в сейфе скопилось большое количество левых денег, так называемый черный нал. Как раз сегодня должны были быть большие расчеты с поставщиками, Витя собирался закупать большую партию товара. Разумеется, налоговой инспекции знать про эти

деньги было совершенно ни к чему. Кроме того, в компьютере находились файлы, в которых были зафиксированы все расчеты с покупателями и поставщиками по минусу, то есть за наличные, мимо кассы. И эту двойную бухгалтерию раскрывать было нельзя ни в коем случае.

С компьютером было просто. Нужные файлы были заранее списаны на дискету, так что их можно было просто стереть из памяти.

Наталья Ивановна уткнулась в свою бухгалтерию, Сергей уже сидел за нашим «Пентиумом», стирая минусовые файлы, когда Витя позвал меня из кабинета:

– Милка, иди сюда!

Вообще-то меня зовут Людмила, но с детства все звали Милкой.

– Давай свою сумку.

Я кинулась за сумкой, Витя посмотрел на нее критически, так как сегодня у меня с собой была небольшая черная сумочка, куда можно положить только дамские мелочи. Я женщина незамужняя, сейчас вообще одинокая, с хозяйственной сумкой мне ходить незачем.

– Ладно. – Он протянул мне дискету с минусовыми файлами. – На, убери и быстро одевайся.

Вошла Лера, уже в пальто. Вот у нее сумка была довольно большая: этакая коричневая кожаная торба. Витя достал из сейфа деньги и стал убирать их в непрозрачный полиэтиленовый пакет.

– Вот, десять пачек по пять тысяч, всего, значит, пятьдесят тысяч баксов.

Он помог Лере уложить все в сумку, аккуратно застегнул. Я, пораженная, молчала. Витька посмотрел на нас очень серьезно и строго сказал, обращаясь преимущественно ко мне – очевидно, Лера была уже в курсе:

– Сейчас поедете к Лере домой, тут близко, закроетесь на все замки и будете там ждать, пока я не приеду. Дверь никому не открывать, по телефону не звонить. Как все кончится, мы сами позвоним. Отвезти вас некому, в машину ни к кому не садитесь, вообще тут на углу не маячьте, садитесь на троллейбус, три остановки всего, сейчас день, никто не тронет. Сумку держи крепко, на плечо не вешай.

– Витя, – я была в шоке, – ты пошли с ней кого покрепче, из продавцов кого-нибудь.

– Некого у меня послать. Продавцов всего двое, мы все на виду. А вас никто и не заметит, подумаешь, две бабы идут! Все, пошли.

Лера прошла вперед, а Витька поймал меня за руку и прошипел в самое ухо:

– Головой за деньги отвечаешь!

Я прямо задохнулась от злости. Послать двух женщин с такими деньгами в сумочке! Некого у него послать, продавцов, видите ли, всего двое. А почему двое осталось? Потому что Димку уволили. А почему Димку уволили – это отдельный разговор, вернее, тот же самый, про Леру.

Мы вышли с Лерой из офиса, из-за угла как раз выворачивал троллейбус. Осторожно оглянувшись через плечо, я заметила, что к магазину подъехала машина, из нее вышли трое, по мордам видно – из налоговой. Теперь назад ходу не было. Лера встрепенулась:

– Бежим, он редко ходит, потом ждать придется.

Она вырвалась вперед, я – за ней, но на тротуаре было ужасно скользко, уже две недели то таяло, то подмораживало, дворники отчаялись и перестали убирать. Я вообще-то хожу очень аккуратно, но сегодня с утра шел мокрый снег, я пожалела новые сапоги, а у старых каблук давно уже ходил ходуном. В общем, я смотрела на Леру, а под ноги не смотрела, попалась льдина, каблук, естественно, подвернулся, и я со всего размаха грохнулась в грязь. Очухалась я через секунду, тут же вскочила и увидела отъезжающий троллейбус и Леру, которая глядела на меня через заднее стекло растерянно, но с легкой примесью злорадства. Еще бы! – видок-то у меня был что надо! Лера помахала мне рукой в светлой перчатке, показывая, чтобы я догоняла троллейбус. Черт, ну надо же было именно в это время шлепнуться!

Я вспомнила о деньгах в Лериной сумке и похолодела. Троллейбус ушел, я дохромала до ближайшего подъезда и подсчитала потери. Падая, я подставила руку, так что испачкала только перчатку и рукав. У дубленки оторвалась пуговица, а вот колено болело. И хоть колготки 70 den не порвались, но колено, похоже, было здорово разбито. Но об этом

после, а сейчас надо догонять Леру. И вдруг я с ужасом осознала, что не знаю, где она живет. Вернуться в офис и спросить я не могла, позвонить тоже — у них там сейчас творилось черт знает что. Вдалеке показался троллейбус. Проеду пока три остановки, потом там на месте осмотрюсь, больше пока я ничего придумать не смогла.

Лера пришла к нам работать не так давно, месяца четыре назад. Принял ее на работу Витя, он вообще сам занимается кадрами. Витя сказал, что нам нужна девушка-продавец, чтобы украсить собой магазин. На мой взгляд, особенной красотой Лера не отличалась — очень худая, коротко стриженная брюнетка, но я допускала, что у нас с Витей могут быть разные взгляды на женскую красоту. На самом деле Лера требовалась вовсе не для украшения магазина. Нам с Натальей Ивановной не понадобилось много времени, чтобы понять, что Витя взял Леру на работу не просто так, а положил, так сказать, на нее глаз, причем Лера была явно не против. Наталья Ивановна отнеслась к этому философски, а я расстроилась. Дело в том, что мы с Витькой и его женой Леной учились вместе в институте, это было давно, лет семнадцать назад. С Леной мы дружили и после института, потом, правда, разошлись. А когда два года назад мне срочно понадобилась работа, я подняла все связи, неделю сидела на телефоне, и оказалось, что у Витьки своя фирма и как раз был нужен менеджер. Как уж Ленка убедила его взять меня на работу, не знаю, потому что толку от меня первое время

было как с козла молока, теперь-то освоилась помаленьку и работаю не хуже других.

А Лера между тем вела себя на работе так, что скоро и мужики обо всем догадались. Витька ей всячески потворствовал в этом. Витькина жена часто звонила на работу, иногда натыкалась на меня, мне было ужасно перед ней неудобно. Сергей тоже был с ней знаком и признался мне как-то, что ему тоже совестно. Сволочь все-таки Витька, поставил нас в такое неудобное положение! Я не могла понять, в чем дело: Витька, конечно, был груб, злопамятен, мог одним словом растереть человека в порошок, но он никогда не был дураком. А тут он стал совершать такие идиотские поступки, что у людей просто душа горит снять трубку и позвонить его жене! И скорее всего так и будет: кто-нибудь из продавцов не выдержит и сделает это, а Витька подумает на меня и уволит. Мне же никак нельзя бросать сейчас эту довольно хорошо оплачиваемую работу, мне сейчас очень нужны деньги.

Лера вела себя как фаворитка, Витька назначил ее старшей, она стала покрикивать на ребят и как-то схлестнулась с Димкой. Димка был молодой, симпатичный, с обаятельной улыбкой, работал хорошо. Что-то они там не поделили, она на него наорала, а он в ответ дурашливо наклонился и спросил:

– Валерия, в чем секрет твоей красоты? – и скопил глаза на дверь Витькиного кабинета.

Лера, нехорошо блеснув глазами, вошла в кабинет, а че-

рез минуту оттуда выскочил взбешенный Витька и крикнул Диме:

– Ты у нас больше не работаешь!

Меня при этом не было, но я очень хорошо представляю себе эту картину. Диму уволили, а Леру перевели в товароведы. А в последнее время Витя начал поговаривать о том, что нам нужен второй менеджер. Понятно, куда ветер дует!

Через три троллейбусных остановки я вышла. Народу на улице было немного, довольно тихое место, это не у нас на проспекте, где магистраль. С одной стороны, правильно, что Лера не стала ждать меня на остановке, а пошла себе спокойно домой, нечего ей было делать на улице с такими деньгами, но, с другой стороны, я представила, как Лера обрисует все случившееся перед Витькой и что он мне скажет. Работа моя в фирме висит на волоске, надо сосредоточиться и срочно что-то придумать.

Так, кто может что-нибудь знать про Леру? Что я сама о ней знаю? Лет ей 26–27, живет с мужем, да, совсем забыла сказать, у Леры был муж, даже как-то встречал ее на машине у магазина, но это было вначале, а теперь после работы ее куда-то Витька увозит. Стоп, что-то такое забрезжило. Есть у Витьки приятель Антон, довольно противный мужик, жуткий бабник, тоже у него свой бизнес. И говорили про Леру, что то ли она этому Антону родственница, то ли бывшая любовница, а скорее всего просто знакомая. Этот Антон ни одной бабы не пропустит, как-то подвозил меня, пристал, как

смола, еле отбилась, чуть в машине не трахнул. И все совал свой телефон, где же он у меня? Я полезла в сумку, перетряхнула там все и нашла клочок бумаги с номером мобильного. Звоню... «Ну, Антоша, отзовись!»

– Антон, это Мила.

– Здравствуй, дорогая, вспомнила меня наконец?

– Антон, у меня к тебе дело. Скажи, где живет Лера, точный адрес.

– А зачем тебе, Витька же знает?

– Антоша, очень прошу, скажи.

Он понял по моему тону, что мне сейчас не до шуток.

– Что-то случилось там у вас?

– Случилось, Витя тебе потом сам все объяснит.

– Записывай.

Он назвал улицу, номер дома и квартиры.

– Теперь запоминай, как идти. Ты сейчас где находишься?

Я сказала ему, что нахожусь на остановке на углу.

– Значит, идешь между домов, там проезд для машин, потом будут гаражи, все железные, а один кирпичный, сразу за ним сворачиваешь направо, там будет тропиночка наискосок через двор, прямо в дом упруешься. Третья парадная от угла. Усекла?

– Спасибо тебе, Антоша, – с чувством проговорила я.

– Спасибом не отъедешь, отрабатывать придется, – завел он свое, привычное.

– Конечно, конечно. – Я поскорее отключилась.

Вот проезд между домами, вот и кирпичный гараж; тропинка, которая пересекала двор, была вся в каше из снега и грязи. Я уже сегодня один раз навернулась, поэтому искала глазами, где можно эту грязь обойти. Если вот так, тихонечко, пролезть за гаражом, а потом пройти вдоль поребрика... Но нет, двор был весь просто заполнен грязью. Пришлось вернуться назад, сделать крюк, обойти Лерин дом с другой стороны – там, в маленьком переулочке, было почище. Я вошла в тот же самый двор, но уже с другой стороны, и в подворотне столкнулась с какой-то сумасшедшей девицей. Она летела, не разбирая дороги, посмотрела на меня дико, даже не извинилась и помчалась дальше. Я машинально оглянулась. Девушка свернула по переулку к той улице, по которой ходил троллейбус. Войдя во двор, я нашла третью парадную от угла, поднялась на четвертый этаж и позвонила в нужную квартиру. На мой звонок никто не открыл, но в квартире ощущалось какое-то движение. Лера боится открывать? Я позвонила еще раз и встала так, чтобы меня было видно в дверной глазок. Послышались шаги, я держала палец на звонке не отрывая.

– Кто там? – спросил за дверью мужской голос.

– Лера Миронова здесь живет?

– Она на работе.

Что за странный какой-то мужик, боится двери открыть. Видит же, что я одна, не съем его.

– Я сама с ее работы. Она должна быть дома. Мы с ней

вместе сюда ехали, случайно разминулись. Вы дверь-то откройте, чтобы мне на всю лестницу не кричать.

Я ощущала сильнейшее беспокойство. Куда это Лера могла подеваться? В троллейбус она села, это точно. Ехать три остановки, а дальше прямой путь. Допустим, она побоялась идти дворами, да и грязь там жуткая. Пошла в обход, но сколько же времени можно идти? Ведь я пока ждала следующего троллейбуса, пока звонила Антону, прошло довольно много времени.

– Так вы дверь откроете или нет?

Поскольку я повысила голос, мужчине за дверью пришлось согласиться.

– Сейчас, оденусь только.

За дверью слышалась какая-то возня, кто-то быстро ходил туда-сюда, потом дверь открылась. Я решила с порога не хамить незнакомому человеку, какое ему дело до наших с Лерой отношений? Тем более что мужичок выглядел каким-то взволнованным.

– Здравствуйте! Вы Лерин муж?

– Ну да, а в чем дело?

– Да я не знаю, мы с Лерой должны были ехать к вам сюда, но, наверное, я ее проглядела, она не приходила?

– Не приходила. – Он отвечал уверенно.

– А вы сегодня не на работе?

– Я дома с полпервого, Леры не было, может быть, она была раньше?

– Нет, в час мы еще были на работе. А можно, я ее здесь подожду?

– Вы знаете, я вообще-то собирался уходить...

Странный какой-то мужик! Жена пропала, а ему все равно. Хотя он же не знает, что у Леры с собой было пятьдесят тысяч долларов. И вообще, неизвестно, какие у него с женой отношения были, наверняка он про Витьку знал или догадывался, тогда его равнодушие понятно.

Я повнимательнее присмотрелась к Лериному мужу. Так, внешне ничего себе, довольно симпатичный, только глаза какие-то беспокойные. И одет нормально: брюки, рубашка, галстук даже, чего же тогда сразу не открывал? Странно это. Мужик переминался с ноги на ногу, демонстративно посмотрел на часы и чуть ли не подталкивал меня к двери.

Я вышла на улицу и остановилась, ощущая сильнейшее беспокойство. Что же мне делать? Ну куда она могла деться? Посмотрю еще, погуляю вокруг дома, потом позвоню Вите и пойду опять к Лериному мужу, придется ему все рассказать. Я прошла вдоль дома, краем глаза поглядывая на парадную, потом вышла через подворотню и попыталась определить окно Лериной квартиры на четвертом этаже. В переулке никого не было, это был даже не переулок, а тупичок, одним концом он упирался в серое здание с узкими окнами, АТС, что ли, а другим концом выходил на улицу, по которой я приехала на троллейбусе. Я машинально повернула по переулку в сторону улицы и побрела, глядя себе под ноги: колено боле-

ло ужасно, второго падения я просто не выдержу. На тротуаре возле лужи что-то блеснуло, довольно крупная штукovina желтого металла. Я наклонилась и подняла эту вещь, которая оказалась накладной застежкой от дамской сумки, вернее, даже не застежкой, а так, какая-то декоративная блямба.

Сердце у меня замерло. Эта штука была на Лериной сумке. Может быть, совпадение? Не верится. Застежка лежала на тротуаре напротив парадной. Я зашла в парадную, потому что необходимо было прислониться к чему-нибудь и перевести дух, ноги не держали, да еще проклятое колено прямо дергало. Немного постояв и придя в себя, заметила, что из парадной есть другой выход, во двор. Что меня заставило выйти в эту дверь, я не знаю, наверное, организм требовал какого-то действия, это было лучше, чем представлять, что Лера пропала вместе с деньгами и что теперь устроит мне Витя. Двор был проходной, я проскочила его очень быстро, оказалась в следующем дворе, из которого вели на улицу чугунные ворота, которые, как ни странно, были заперты. Надо было взять себя в руки, вернуться назад тем же путем, что и пришла, осознать наконец, что случилось несчастье и звонить Витьке. Вместо этого я продолжала бестолково кружить по двору, тыкаясь во все двери и щели, как таракан под дихлофосом. Очевидно, на меня нашло временное помутнение рассудка.

В углу двора между домами был небольшой проход, там едва-едва разминулись бы два человека. Я с ходу пролезла

в эту щель и оказалась в еще более узком дворе. С одной стороны там был высокий бетонный забор, с другой – старая кирпичная стена без окон – брандмауэр, еще валялись какие-то ящики – очевидно, третье здание было складом, а в четвертом углу, за мусорным контейнером, наблюдалось какое-то движение. Пять или шесть молодых парней азартно топали ногами и деловито матерились. Вот один разогнал всех, залез на контейнер и с размаху прыгнул вниз. Я резко затормозила и попятилась обратно в свою щель. Встречаться одной с шестью парнями в пустом дворе мне совсем не улыбалось: в лучшем случае отнимут все деньги, а в худшем... Думать про это не хотелось. Я пошла было назад, вдруг где-то сверху стукнула форточка, старушечий голос закричал:

– А что же вы, окаянные, делаете! Вовка, вижу тебя! Парazit, ты же убийца, сволочь!

Парни слышали, остановились, потом бросились бежать в мою сторону, а старуха сверху клеймила их всякими словами. Я вжалась в стенку в соседнем дворе, парни пролетели мимо, меня не заметив. Идти за ними было страшно, поэтому пришлось опять спрятаться в щель. В том злополучном дворе из-за бетонного забора торчала голова сторожа и переговаривалась со старухой сверху.

– Никак убили они его, не шевелится.

– Пойду в «Скорую» звонить.

– Иди, бабуля, звони, а я сейчас обойду, а то забор высокий, и приду посмотреть. В милицию не забудь позвонить.

– Знаю, всех видела, Вовка Капитонов у них главный, посадят теперь! – Старухин голос ликующе взмыл ввысь.

Голова сторожа скрылась за забором, мне надо было уходить, совершенно ни к чему было попадаться на глаза милиции, пришлось бы им объяснять, кто я такая и как здесь очутилась, но из-за мусорных баков раздался вдруг такой стон, что ноги мои приросли к месту. А вдруг там Лера? Господи! Усилием воли я оторвала ноги от земли и подошла к помойке, по дороге посмотрев на окна напротив. Никого я в окнах не увидела, значит, бабуля все еще звонила по телефону. Едва кинув взгляд на то, что лежало за контейнером, я отвернулась: это было ужасно, но это была не Лера.

На земле лежал мужчина, молодой или старый, непонятно, потому что он был избит до неузнаваемости. Лицо залито кровью, нога как-то неестественно вывернута. Он застонал опять, потом пошевелился, под ним я заметила что-то красное, это оказался паспорт. Затопчут ведь в суматохе, надо положить ему в карман и сматываться, все равно я ничем не могу ему помочь. Я открыла нагрудный карман его куртки и попыталась запихнуть туда паспорт, но что-то мешало, и я вытащила еще один паспорт. Интересно!

Я развернула паспорт, мельком глянула на фамилию, потом схватила оба паспорта, запихнула их в карман своей дубленки и бегом помчалась к заветной щели, не обращая внимания на колено. Не до коленок тут, ничего, не отвалится!

В соседнем дворе мне навстречу попался мужик в ватнике

— очевидно, это и был сторож из-за забора. Он не видел, откуда я вышла, а я сделала каменное выражение лица и прошла мимо. Проскочив еще один двор, я вышла в знакомый переулок, потом во двор Лериного дома и поднялась на четвертый этаж. На мой звонок никто не ответил, я не удивилась, потому что этого и ожидала. Усевшись на подоконник, я достала оба паспорта и внимательно прочитала все, что в них написано. Первый был на имя Примакова Олега Петровича, год рождения, прописка, женат на такой-то, ребенок есть, девочка. А во втором было написано: Миронова Валерия Юрьевна и так далее. И кто бы мне мог сказать, как Лерин паспорт, который я сегодня утром видела в ее сумке, попал в карман к избитому человеку и где же, черт возьми, эта сумка с деньгами и тем более сама Лера?

Посидев немного на подоконнике, я вышла на улицу и побрела опять к остановке, но на всякий случай обошла дом и взглянула на окна Лериной квартиры. Кто-то мелькнул там, за занавеской. Значит, этот чокнутый, Лерин муж, сидит дома и не открывает. Укрывшись от ветра на остановке, я собралась с духом и набрала номер Витькиного мобильного.

— Алло, Витя?

Он узнал меня сразу и просто зашелся от злости.

— Ты какого хрена звонишь? Ты в уме? Вешай трубку, я сам позвоню, когда смогу. Все.

Раздались гудки. Я набрала номер снова. Витька прямо булькал там, как чайник. Не давая ему раскрыть рот, я быст-

ро проговорила:

– Слушай и не повторяй. Мы разминулись, а теперь ее нигде нет.

– Что?!

– Что слышал. Ее нет дома, там сидит муж и говорит, что она не приходила. Я караулю ее уже больше часа, никого нет. Тут какие-то странные события...

Но до Витьки наконец дошло, что пятьдесят тысяч долларов гуляют неизвестно где, и он заорал на меня, отбросив всякую осторожность:

– Ты, такая-рассякая, – мой телефон аж раскалился от его мата, – куда смотрела?

– Витя, я же говорю, она уехала на троллейбусе, а я не догнала, поехала на следующем, прихожу, там муж у нее дома, а ее нет. Муж говорит, что не видел ее с утра, я не знаю, куда она делась!

– Ты, так тебя, головой мне ответишь, я тебя наружу выверну и так по улице пущу. – А дальше пошло такое, что я не выдержала и едва не бросила мобильник на пол.

Невозможно было это слушать, да и смысла никакого, Витька так разошелся, что все равно не дал бы мне вставить ни слова. Старые сапоги, кроме шатающегося каблука, еще и протекали. Ноги замерзли, колени, правда, как-то онемело и болело теперь меньше. Из нашего с Витей разговора, если можно так выразиться, я поняла, что эти, из налоговой, уже ушли, иначе Витька бы так не орал. Все-таки надо как-то с

ним договориться, не торчать же мне тут до ночи.

Мобильник разрядился и замолчал. Чувствуя, что совершенно замерзаю, я дошла до метро «Петроградская», чуть-чуть погрелась в вестибюле и купила несколько жетонов для автомата. На всякий случай я набрала Лерин номер, и, к моему удивлению, трубку сняли. Мужской голос, очень взволнованный, сразу спросил:

– Нина, это ты? – И осекся, почувствовав что-то не то.

– Нет, это не Нина, – сказала я как можно спокойнее, по возможности сдерживая обуревавшие меня эмоции, – это Мила. Я сейчас к вам зайду. – И сразу повесила трубку, не давая ему возразить, а потом набрала Витькин номер.

Витька с ходу стал на меня орать за то, что повесила трубку, куда-то пропала и не даю о себе знать. Я хладнокровно его выслушала (ну подумаешь, пульс подскочил, давление поднялось – это чепуха, дело житейское), а когда он высказался, велела ему быстро приезжать к известному ему дому. Надо сказать, он тут же мобилизовался, все понял и сказал, что будет через пять минут.

Я встретила его машину на улице – он не соврал, действительно через пять минут приехал, – и мы быстро поднялись к Лериной квартире, позвонили. Дверь не открывали. Тогда я подошла вплотную к двери и громко крикнула:

– Откройте дверь! Я знаю, что вы дома. Я вам только что звонила по телефону.

Дверь тут же открылась. Видно, он прямо за ней находил-

ся, потому что никаких шагов слышно не было. Этот ненормальный Лерин муж стоял на пороге, напоминая цветом лица домашний адыгейский сыр.

Витька его сразу отодвинул и шагнул в квартиру. Хозяин попытался преградить ему дорогу, но это было все равно что броситься под танк. Не помню, говорила я или нет, но наш Витя весит 126 килограммов, причем половина этого веса приходится на его пузо. Поэтому Витька прошел сквозь Лериного мужа не задерживаясь и – прямо в комнату.

– Что вам надо, кто вы такие? – заверещал муж.

Витька резко повернулся к нему, будто только что заметил, и гаркнул командным голосом:

– Где Лера?

Тут этот несчастный собрался с силами, лицо слегка по-розовело, и тоже – в крик:

– А, вот ты кто! Ты – шеф ее прибабахнутый. И ты меня еще спрашиваешь, где она? Тебе это лучше знать, чем кому другому. Куда, интересно, ты ее каждый вечер возишь?!

Это он намекал, что знает про Витькины с Лерой шашни. Но Витька и ухом не повел – очевидно, пятьдесят тысяч долларов на данный момент были ему важнее Леры. Глотка у нашего Вити луженая, перекричать его в институте мог только физкультурник с матюгальником, когда мы бегали кросс на стадионе, поэтому он еще прибавил громкости:

– Врешь ты все, она домой ехала, ее видели, как в троллейбус садилась, как к дому шла, – и куда делась? А сумка ее

где? – А сам все по квартире шась-шась, все двери пораскрывал, орет, а глазами зыркает – форменный обыск устроил.

– Какая сумка? – орет муж. – При чем здесь какая-то сумка? Ты мне отвечай, куда мою жену дел? Что за сумка еще?

А я в стороне стою, в перебранке не участвую, смотрю на них обоих как бы трезвыми глазами, и что же я вижу: Витька орет – все понятно и денег жалко, и страху на человека напускает, но до конца не расходится, тормоз в нем чувствуется внутренний. Понятно, что не может он особенно нажимать, про деньги не заикается и милицию не упоминает – как бы самому хуже не было, деньги-то черные.

Но замечаю я, что и муж Лерин также неуверенно держится, кричит без настоящего чувства, без правды жизни, как будто на сцене в театре Комиссаржевской играет, и тоже ни словом милицию не поминает. Что же это выходит – и у этого рыльце в пушку? Свой скелет в шкафу имеется?

И параллельно с этими размышлениями стараюсь я как-то ненавязчиво в квартире осмотреться, потому что чувствую печенкой – что-то тут не так. А что не так – хоть убей, не пойму. Да и потом, что я могу здесь почувствовать, какие перемены, если была здесь всего один раз, да и то только на пороге? Взяла я и отошла к самой двери, туда, где утром стояла. Стою и смотрю: что не так? Осмотрелась внимательно: прихожая как прихожая, на полу – коврик, на стене – зеркало, рядом – вешалка с тумбочкой... Под тумбочкой – ниче-

го. Стоп! Это сейчас под тумбочкой ничего, а утром на полу под ней светлая перчатка лежала. И прямо перед глазами у меня встало, как из отъезжающего троллейбуса Лера мне, усмехаясь, рукой машет. Рукой в светлой перчатке.

Мужики тем временем уже совсем благим матом орут и за грудки друг друга хватают. Лерин муж, конечно, против Витьки – тьфу, но он все-таки дома у себя, поэтому держится увереннее и мало-помалу вытесняет Витьку в коридор. В основном, я думаю, потому, что Витька уже все в квартире осмотрел и убедился, что Леры с деньгами в квартире нет. Хозяин двери открыл, Витьку на лестницу вытолкал – я тоже от греха выскочила – и еще в след бандитом и ворюгой обозвал.

Витька строевым шагом промаршировал к своей машине, я со своей разбитой коленкой еле поспевала за ним и пыталась на бегу поделиться с ним своими подозрениями.

– Витя, ты знаешь, что я заметила...

А он мне:

– Ты мне только пикни! Я тебе башку оторву вместе с прической! Я из тебя эти деньги клещами вытяну!

На прощание Витька обматерил меня, но уже не так забористо, выдохся, устал, а потом оттолкнул от машины, крикнул, чтобы я не возвращалась без денег, газанул и уехал. Хорошо, что подморозило, а то бы он меня еще и из лужи окатил. Я опять побрела к метро, потому что торчать здесь не было никакого смысла, что-то подсказывало мне, что Лера

не придет.

Хотелось есть, пить, в туалет, а про колено лучше было не думать: в тепле Лериной квартиры ноги согрелись, и теперь мне казалось, что в мою бедную коленку вонзились тысячи иголок. Пора было подумать о себе. Очевидно, у меня на лице отражалось страдание, потому что какой-то парень уступил мне место в метро. Когда я доползла до дома, был уже седьмой час. Кое-как раздевшись, я умылась, поставила чайник и заглянула в холодильник. Есть было нечего. Ладно, попью чаю с сухариком, а потом воспряну духом и посмотрю, что там с коленом.

На вчерашнее воскресенье у меня была запланирована уборка квартиры и поход по магазинам, но с утра позвонила подруга и пригласила на дачу, у нее был день рождения. Я согласилась, потому что редко теперь куда-то хожу, вернулась вчера поздно и вот имею теперь пустой холодильник и урчащий от голода живот.

Зазвонил телефон. Пока я прихромала к нему и взяла трубку, там уже повесили. Только отошла, телефон затрезвонил снова, но на этот раз я успела. Звонил мой бывший супруг:

- Привет, ты дома?
- Да, раз ты со мной разговариваешь.
- Случилось что-нибудь, что ты так рано? Я звонил тебе на работу, что у вас там происходит?
- Да так, ничего особенного. – Мне совершенно не хоте-

лось посвящать его в свои дела. — А ты по делу или как?

— Ты забыла, что обещала показать мне письмо от Лешки?

— Ах да, конечно, приезжай.

И, только повесив трубку, я вспомнила, что забыла Лешкино письмо на работе. Утром показывала Наталье Ивановне фотографии и сунула письмо в стол. Вот теперь придется еще и перед бывшим мужем оправдываться, ну и денек у меня сегодня выдался!

Раньше, давно-давно, я жила как все, была у нас обычная семья: папа, мама, один ребенок — сын Лешка. Мы с мужем познакомились в институте, он был двумя годами старше, и как-то на вечере мы с ним столкнулись в дверях. А потом все как у всех, долго встречались и наконец поженились. Я окончила институт, между практикой и дипломом родила Лешку, потом родители выменяли нам вот эту двухкомнатную квартиру. На работу меня распределили в НИИ, инженерная работа мне не очень нравилась — в технике я соображаю плохо, а электричества боюсь. Поэтому, когда освободилось место секретаря начальника отдела и мне предложили туда перейти, я без раздумий согласилась. Зарплата не меньше, а там я чувствовала себя увереннее.

С мужем мы жили дружно, все называли нас идеальной парой, муж много занимался с Лешкой, я вела дом, даже свекровь меня хвалила, действительно, в те годы я была жутко хозяйственная. На работе все было ничего себе, если не счи-

тать того, что мало платили, но это общая беда: с перестройкой все пошло не так.

Неприятности на работе начались неожиданно: трагически погиб мой начальник Леонид Петрович. Показывали они военпредам новый комплекс, что-то там закоротило, его хватануло током, да сразу насмерть, сердце не выдержало. Шуму было – ужас! Милиция в институте прямо прописалась, долго расследовали, говорили, что все это было подстроено, вообще слухов всяких и разговоров было предостаточно. Ко мне у милиции не было особенных претензий, расспрашивали, конечно, про начальника, но и все. Когда страсти поутихли, началась реорганизация, никто не хотел брать на себя руководство нашим многострадальным отделом.

Я ждала сокращения и понемногу собирала вещи, и вот, на фоне служебных неприятностей, у меня возникла моя собственная личная драма. Муж подкинул мне грандиозную подлянку – нашел себе другую. И это бы еще ладно, с кем не бывает, семейная жизнь может надоесть, поэтому изредка просто необходимо встряхнуться. Я и сама, когда муж как-то проторчал полтора месяца в командировке, а Лешка жил на даче с бабушкой, очень неплохо провела время, но надо же ведь и совесть иметь – семья есть семья.

Вместо того чтобы тихонько крутить любовь на стороне, тщательно скрывая это от жены, этот идиот, мой бывший муж, приходил домой поздно ночью, воняющий французскими духами, часами сидел, уставившись в одну точку, а

ночью разговаривал во сне. В общем, мой ненаглядный супруг втюрился как последний дурак и даже не делал никаких попыток это скрыть от окружающих – одним словом, совершенно обнаглел.

Не подумайте, что для меня это было полной неожиданностью, но скрытый период его любовной горячки я все-таки прошлапила, так уж все совпало – на работе нервотрепка, да еще у меня тогда болела мама.

В конце концов муж набрался смелости и признался мне во всем: он, видите ли, любит другую и не хочет меня обманывать, но поскольку к Лешке он очень привязан, то он еще ничего не решил и просит дать ему время подумать. И как я, по-вашему, должна была на это его заявление отреагировать? Держалась я на удивление спокойно, сцен ему не устраивала и не грозила, что немедленно выброшусь из окна, если он меня бросит.

Ну что ж, ждать так ждать, и у нас началась странная жизнь. Я готовила обеды, обстирывала и обихаживала мужа по-прежнему, а он крутил любовь со своей лахудрой с моего, так сказать, официального согласия. Время шло, муж ничего не решал, а потом я поняла, что его-то как раз такое положение очень устраивает.

Первой не выдержала, естественно, я. Квартира у нас двухкомнатная: сын в одной комнате, мы – в другой. А диван один, он приходит поздно ночью и ложится рядом, выселить его на кухню я не могла, потому что мы должны были при-

творяться перед Лешкой. Сами посудите, куда это годится? И однажды, когда Лешки не было дома, я вытащила из кладовки чемодан и сказала мужу:

– Знаешь, дорогой, решай прямо сейчас – либо ты там, либо ты здесь. Я так больше не могу. С Лешкой объяснишься сам.

Он сказал, что я его вынудила к этому шагу, собрал чемодан и ушел. Потом вернулся прямо с лестницы, попросил прощения и чуть ли не на коленях умолял, чтобы я не восстанавливала против него Лешку и разрешила с ним видеться. Да мне это и в голову не приходило! Он действительно обожал Лешку, много с ним занимался, вечно ходил на все родительские собрания и праздники в детском саду. Словом, расстались мы почти по-хорошему, как интеллигентные люди, это свекровь моя так выразилась. Она в наши отношения не вмешивалась, вообще у нее свои друзья, поклонники, она вечно занята, бегают по театрам и выставкам, ей не до нас.

Это было почти два года назад, Лешка тогда заканчивал десятый класс, впереди был последний год в школе, самый ответственный. Муж по-прежнему продолжал заниматься Лешкиным воспитанием, вникал во все его учебные проблемы и довольно часто бывал у нас. Я была не против его присутствия, потому что тогда как раз устроилась работать в Витькину фирму, домой приходила не раньше девяти совершенно без сил, поэтому хорошо, что за Лешкой присматривал отец.

Лешка у нас умненький. Еще в детстве он не играл с мальчишками во дворе, а сидел в уголке и читал книжки. В школе он был круглым отличником, а в старших классах поступил в физматшколу, и учителя все в один голос кричали, что у нашего сына какие-то необычайные способности к физике. Господи, ну кому в наше время нужен физик? Тем не менее мой ребенок решил поступать в университет. Мы с бывшим мужем устроили форменную баталию. Переругались вдрызг, он кричал, что я зарываю Лешкин талант в землю, а я – что он хочет, чтобы наш сын окончил свои дни в нищете. В конце концов последнее слово осталось за Лешкой, он собрался-таки в университет, а потом ему предложили поехать в Штаты по программе для школьников. Он сдал выпускные экзамены, поступил в университет и уехал на год в штат Джорджию. Его папочка вначале тоже был недоволен, даже высказал мне что-то про то, что я решила сплавить ребенка, потому что он мне тут мешает, но я быстро его укоротила и доказала, что Лешке там будет лучше и еще он выучит язык.

Когда из окна аэропорта я увидела Лешкин самолет в воздухе, слезы вдруг буквально хлынули из глаз. Это очень странно, потому что плачу я крайне редко и только тогда, когда меня никто не видит. Борис, это моего бывшего зовут Борис, а сын – Алексей Борисович, так вот, Борька, кажется, первый раз в жизни увидел меня зареванной, всполошился, жалостливо посмотрел, а потом предложил:

– Поедем куда-нибудь, посидим.

Но я уже взяла себя в руки, к тому же надо было на работу, поэтому я вежливо поблагодарила и отказалась.

Это было в прошлом августе, сейчас март, Лешки нет, но почему-то мы с Борисом все равно видимся довольно часто. Лешка из принципа пишет письма только на мой адрес, поэтому Борька вечно торчит здесь. Вообще-то он очень скучает по Лешке, иногда заходит в его комнату и просто там сидит.

Тогда в августе после отъезда Лешки мне очень не понравилась жалость во взгляде моего бывшего мужа. Поэтому я не долго думая завела себе любовника, вернее, не то чтобы любовника, а так, сердечного приятеля. Мы немного повстречались, а потом как-то само собой все прошло. Борька на это время куда-то пропал, потом опять появился. Там у него с его лахудрой, по-моему, не очень-то. У нее есть сын, помладше Лешки, очень избалованный. Сама Борькина новая жена очень деловая, крутая, много работает. Я ее как-то видела: одета хорошо, может произвести впечатление... Непонятно, что она могла найти в моем бывшем муже, он-то как раз не красавец, росту среднего, сам тощий. Зарабатывал он не ахти как, с ним мы перебивались с хлеба на квас, а новая жена купила ему машину, чтобы он ее на работу возил, а после отъезда Лешки устроила его в банк, он вообще-то хороший программист, соображает в этом деле.

Я никогда не расспрашиваю бывшего мужа о его личных делах: мы официально развелись, он для меня лишь отец мо-

его ребенка, какое мне дело до его отношений с женой и комплексов вины? У меня своих проблем хватает.

Зазвонил дверной звонок. Я поковыляла открывать. Увидев меня в халате, Борька удивился:

– Ты заболела, что ли?

– Да нет, ничего. Слушай, мне так неудобно. Я тебя с места сорвала, а письмо-то на работе осталось.

Он расстроился, но ничего не сказал, не отругал меня.

– А я уже машину на стоянку поставил, думал, посидим, чаю попьем.

Вот еще, чаем я его буду поить, пусть его жена поит и кормит!

– Извини, у меня и к чаю ничего нет. – В моем голосе чувствовалась железобетонная твердость.

– А это ничего, я тут принес. – Он протянул мне пакет.

Я заглянула: сыр, ветчина, даже батон и торт шоколадно-вафельный, мой любимый, кокосовый. Ну надо же! Пахло очень вкусно, есть хотелось зверски. И я проявила слабость – согласилась на чай.

– Ну ладно, ставь чайник, я сейчас.

Я взяла пузырек перекиси водорода, вату, бинт и удалилась в ванную. Когда я заставила себя взглянуть на свое колено, мне стало плохо. Колготки буквально заскорузли от грязи и крови, все это засохло, стянулось и вид имело ужасный. Я вылила на вату перекиси, стала промакивать, но там нужен был не аптечный пузырек, а цистерна. Терпение никогда не

входило в число моих добродетелей, я дернула за колготки и, не удержавшись, застонала. Тут же раздался стук в дверь и Борькин обеспокоенный голос спросил:

– Милка, ты там жива? Что случилось? Открой!

Пришлось открыть. Борька посмотрел на несчастную коленку и выволок меня на кухню, где было больше света.

– И ты с этим сидела весь день? Что там у вас, аптечки нет?

Если бы он знал, что я с этим не сидела, а шлялась по холоду и грязи, по чужим дворам и подъездам, что бы он, интересно, тогда сказал? Борис усадил меня на стул посередине кухни, разорвал старое полотенце на салфетки, налил в тазик теплой воды и положил мокрую салфетку мне на колено.

– Вот, держи, долго надо сидеть, чтобы отмокло. Слушай, тебе же укол надо делать против столбняка.

– Да отстань ты! Укол еще я буду делать, йодом помажь, и все.

– Как тебя угораздило-то?

– Ну, бежала за троллейбусом и упала.

Он был такой заботливый, прямо курица-наседка. Меняя салфетку, Борька опустил передо мной на колени, так ему было удобнее.

– Ну вот видишь, сейчас отойдет и грязи станет меньше.

Халат мешал, тогда он расстегнул нижнюю пуговицу. Мне совершенно не хотелось сидеть перед ним в таком виде, я сделала попытку встать, но он прямо закричал на меня:

– Не дури, сиди на месте, ты что, не понимаешь, инфекция попадет, будет заражение!

Я подчинилась. Он еще долго возился, промывал перекисю, потом нашел в холодильнике синтомициновую мазь, того забинтовал многотрадальную коленку и отпустил меня с миром. Потом мы пили чай. После чая я закурила сигарету, почувствовала себя значительно лучше и обрела наконец способность соображать.

Что мы имеем на сегодняшний вечер? Пропавшую Леру с деньгами. Куда же она могла деться? В троллейбусе она ехала, это факт. Вряд ли что-то с ней в троллейбусе могло случиться – пятьдесят тысяч ведь не кошелек, а довольно большой пакет, его незаметно из сумки не выкрадут. Значит, вышла она из троллейбуса, дворами не пошла, а пошла тем переулком. Там могли у нее сумку отобрать? В принципе да, учитывая то, что я нашла в переулке застёжку от Лериной сумки, – она могла отлететь, когда дернули за сумку. Но где же тогда сама Лера? Скрывается, боится Витьку? Глупо. Все равно придется все ему рассказать. Решила сама смыться с деньгами? Еще более глупо. Не такие это деньги, не миллионы же долларов. Во всяком случае, муж ее ведет себя странно. Я вспомнила о перчатке, которая точно валялась там под тумбочкой, когда я была в Лериной квартире в первый раз. Если допустить, что это была Лерина перчатка, а я в этом почти уверена, то, значит, Лера все-таки побывала в своей квартире, а потом куда-то делась. Во всяком случае, муж ее

видел и должен знать, где она. К телефону он не подходит. А если сейчас поехать туда, поговорить с ним спокойно, рассказать про деньги, припугнуть, наконец, то он может дать мне какую-нибудь информацию. Будет что завтра рассказать Витьке. Тут я заметила, что Борис стоит в дверях кухни и внимательно на меня смотрит.

– Ты чего?

– Да ничего. О чем ты думаешь? У тебя на лице отражается активная работа мысли?

Это он намекает, что думающей единицей в нашей семье всегда был он, а у меня с соображением было не очень. Что ж, может, он и прав, но жизнь заставит и научит всему.

– Послушай, ты не мог бы отвезти меня сейчас в одно место?

– Что? – Он прямо глаза вытаращил. – Ты в таком виде куда-то собираешься? Да тебе нужно принять аспирин и лечь в постель немедленно, колено побережь. Ты что, совсем с ума сошла, тащиться куда-то на ночь глядя, ведь одиннадцатый час уже!

Так, что-то слишком уж он всполошился, следовало немедленно поставить его на место. Я заговорила вежливо, но твердо:

– Послушай, я тебе очень благодарна, что ты со мной возился, и за чай спасибо, но позволь уж мне самой решать, что мне сейчас необходимо. Не беспокойся, к хахалю я бы не поперлась с такой коленкой, это по делу, причем очень

важному. Мне самой тяжело, поэтому и прошу тебя отвезти. Он понял мой намек, чтобы не лез не в свое дело.

– Конечно, раз надо, я отвезу.

Я надела джинсы, куртку с капюшоном, удобные ботинки, которые не скользили, а Борис пока сходил на стоянку и подогнал машину прямо к подъезду.

Позвонив, когда мы были недалеко от Лериного дома, я услышала короткие гудки. Это хорошо, что занято, значит, он дома. Однако, заглянув в окна квартиры, я не увидела там света. Попросив Бориса подождать в машине за углом, я задумалась: звонить или не звонить в квартиру? Определенно муж там, но может не открыть дверь. Станный он какой-то, похоже, что так и будет сидеть в запертой квартире. Ведь жена пропала, надо в милицию сообщать, а он не мычит, не телится. Все-таки надо пойти и позвонить, но что-то подсказывало мне подождать. Зайдя во двор Лериного дома, я нашла удобный наблюдательный пункт в тени гаража, откуда нужный подъезд прекрасно просматривался, а я сама оставалась незаметной. Позиция была хорошей во всех отношениях, кроме одного: через несколько минут стало страшно холодно. Ботинки были достаточно удобные, но подошва тонковата, и ноги скоро совершенно заledenели. Я притопывала и приплясывала, как извозчик на морозе, и боялась, что такие активные телодвижения делают меня слишком заметной.

Вдруг дверь подъезда, за которой я наблюдала, открылась

и из нее, воровато оглядываясь, вышел человек с огромной клетчатой сумкой. Я замерла, стараясь слиться со стеной гаража, и всмотрелась в этого человека. Над подъездом горел фонарь, и мне удалось хорошенько рассмотреть этого типа. Вне всяких сомнений, это был Лерин муж. Почему он так подозрительно оглядывается? И сумку явно еле-еле тащит – у него там что-то совершенно неподъемное. Обычно с такими огромными клетчатыми сумками ездят «челноки», но они возят в них одежду – свитера, куртки, дубленки турецкие, поэтому сумка выдерживает, но этот-то еле тащит, и как только ручки не оторвутся!

Задавая себе кучу бесполезных вопросов и стараясь остаться незамеченной, я следовала за этим типом на некотором расстоянии. Он вышел на улицу, подошел к бежевой «пятерке» и стал запихивать сумку на заднее сиденье. Я стремглав бросилась за угол, вскочила в Борькину машину, не успев отдышаться, и принялась бешено жестикулировать. Чуть отдышавшись, я хриплым шепотом попросила его объехать дом и следовать за бежевými «Жигулями». Он выполнил мою команду, не задавая лишних вопросов, – видимо, отчаялся что-нибудь понять.

«Пятерка» только-только тронулась, и мы поехали за ней, стараясь не слишком приближаться, но и не потерять ее из виду. Сначала мы ехали по проспекту, выехав с Петроградской и миновав Каменный остров, у Черной Речки свернули в сторону Новой Деревни. Неподалеку от Серафимовского

кладбища «пятерка» подъехала к железнодорожному переезду. Переезд был закрыт: на путях стоял бесконечный состав, концы которого терялись в темноте и справа, и слева от переезда. Я сделала Борису знак остановиться подальше, чтобы из «Жигулей» нас не было видно. Кроме нас, у переезда никого не было. Состав стоял насмерть и уезжать не собирался, похоже, никогда. Я не отводила взгляда от переезда. Еле видный в темноте и на большом расстоянии, водитель «пятерки» вышел из машины и вытащил из нее что-то большое и тяжелое. Ясное дело, это была та самая огромная клетчатая сумка. Он подтащил свой странный багаж к самым путям. В этом месте на самом переезде стояла длинная низкая железнодорожная платформа с какими-то бесформенными ящиками, укрытыми чехлами и запорошенными снегом.

Лерин муж поднял свою сумку, причем даже на таком расстоянии было видно, какого труда это ему стоило, и взвалил ее на платформу. Он еще покопошился возле состава, забрасывая сумку снегом, затем бегом побежал к своей машине, развернулся и поехал назад. Мы еле успели отъехать, чтобы не попасться ему на глаза.

Убедившись, что он возвращается к себе домой, я решила, что дальнейшая слежка вряд ли что-нибудь даст, и сказала Борису, что мы тоже можем возвращаться. Что-то подсказывало мне, что ехать за Лериным мужем сейчас не стоит и говорить с ним тоже не стоит. Странное дело: у меня никогда не было развито чувство интуиции, а в последнее время

внутренний голос просто все время подавал мне советы, и я его слушалась.

В машине мы молчали, Борька довез меня до дома, сказал, что заедет завтра за письмом, и уехал.

Старшина Сеницын шел вдоль состава, освещая фонарем двери вагонов и грузы на открытых платформах. Сегодня в линейный отдел транспортной милиции поступил сигнал о вскрытии контейнера в товарном составе на седьмом пути. Сигнал надо было проверить, послали Сеницына и Журавлева, но у Журавлева подружка живет поблизости, а у подружки муж сегодня в ночную смену. Ну, понятное дело, пришлось прикрыть напарника, и вот теперь Сеницын один бредет вдоль этого бесконечного состава... А вдруг там и правда грабят – что он сможет один сделать? Но пока сигнал не подтверждался. Пломбы на всех контейнерах в целости, видимых следов нигде не отмечено... А тут еще что такое?

На открытой платформе, чуть припорошенная снегом, лежала огромная клетчатая сумка – с такими ездят на промысел «челноки». А тут-то она что делает?

Старшина вскарабкался на платформу, развернул сумку, удивившись ее тяжести, и потянул молнию. Пожалуй, он сам не знал, что ожидал там увидеть – может, кто-то из поездной бригады провозит левый груз – так почему на виду? Уж железнодорожники-то такие тайники знают! И потом – почему не забрал? Забыл, что ли, по пьяни?

Но когда из сумки высунулась женская рука, привычный ко всему старшина чуть не свалился с платформы. Поняв, какую находку ему подкинула судьба, он длинно и выразительно выругался. Главное, как теперь Журавлева от бабы высвистать? Сейчас ведь черт-те что начнется, народу понаедет – страшное дело, а где Журавлев? Нету Журавлева... Ох, будут неприятности!

Старшина Синицын как в воду глядел. Народу на труп понаехало – и оперативники из отдела особо тяжких преступлений, и свои, из транспортной милиции, и эксперты из города, так мало того – еще и бригада телевизионщиков. От этих, конечно, больше всего беспорядка. Всюду лезут, всех отталкивают, считают себя важнее всех, как же – четвертая власть! Одно хорошо – осветили как следует своими мощными прожекторами место действия. И торопятся, торопятся – хотят к выпуску новостей успеть.

Успели.

Вторник, 23 марта

Ночью Мастер спал, как обычно, спокойно и без сновидений. Накануне он побывал у места работы. Осмотрелся, нашел нужную квартиру, вычислил ее окна. На его удачу соседний дом был 137-й серии – в таких домах обычно лестницы далеко от площадок с лифтами, и наблюдение можно вести без опасения: по лестницам никто не ходит. Он поднял-

ся на пятый этаж, не спеша нашел нужную точку, достал из чемоданчика бинокль и камеру. Убедившись, что занавески на окнах раздернуты, сделал несколько снимков, осторожно меняя ракурс. Вышел из дома, внимательно осмотрелся на местности и поехал домой. Дома он проявил снимки, напечатал их с максимальным увеличением и при помощи сканера ввел в компьютер. Компьютер свел отдельные снимки в одну максимально подробную картинку, которую Мастер небольшими частями выводил на экран. Он внимательно осмотрел место завтрашней работы. Самое удачное – он заметил на тумбе справа от центрального окна край темного продолговатого ящика, который мог быть только видеомagneитофоном. Из базы данных своего компьютера Мастер уже знал, что в названной заказчиком квартире живут Нина и Геннадий Березины. Возраст Нины и Геннадия вполне подходил для задуманной Мастером комбинации, и видеомagneитофон являлся в ней необходимым звеном.

Мастер достал секундомер и начал готовить кассету. Утром во вторник он проснулся ровно в восемь, как по будильнику, побрился, принял душ, позавтракал, собрал сумку с оборудованием, еще раз прошел в уме все этапы операции, надел неброскую синюю куртку и вязаную шапочку до самых глаз – ни одной яркой детали, ни одной запоминающейся приметы. Он доехал до места на общественном транспорте, трижды пересаживаясь, вышел на остановку позже, вернулся дворами и подошел к нужному подъезду.

Операция началась. На часах было 11.05.

На лестничной площадке Мастер снял куртку, убрал ее в сумку, быстро натянул поверх просторный синтетический комбинезон. Бесшумно подошел к двери, постоял у нее. Прислушиваясь, достал свою потрясающую универсальную отмычку – заплатил за нее в свое время такие деньги! Он открыл первую дверь, вторую, тенью проскользнул в прихожую. Из кухни доносился шум льющейся воды. Прижимаясь к стене, Мастер прокрался к кухонной двери. Молодая светловолосая женщина мыла посуду. Скорее почувствовав, чем заметив движение у себя за спиной, она полуобернулась назад. На лице ее появилось выражение страха и удивления, но закричать она не успела – Мастер нанес ей молниеносный удар в висок. Она без сознания рухнула на кафельный пол. Позади раздался звук спускаемой воды. Мастер в один бесшумный шаг оказался у двери туалета, и когда на пороге показалась фигура мужа, встретил его точным коротким ударом.

Затем он внимательно осмотрел квартиру, нашел на кухне подходящий нож – достаточно длинный, хорошо заточенный – и закончил начатую работу. Окровавленные тела он расположил наиболее правдоподобным образом, вложил скользкую от крови рукоятку в мертвую руку Геннадия Березина, снял испачканный кровью комбинезон и ботинки и осторожно, в одних носках, прошел в гостиную. Там он сменил перчатки, достал из сумки кассету, вставил ее в видеомагнито-

фон, включил телевизор, установил достаточную громкость, еще раз осмотрел созданную им сцену, надел куртку, убрал в сумку все инструменты и спецодежду, убедился, что на лестнице никого нет, и поспешно вышел из квартиры.

Через сорок минут из квартиры Березиных раздались страшные крики.

На следующее утро на работе была зловещая тишина. Витька сидел в кабинете и по телефону договаривался с поставщиками об отсрочке платежей. Крупная партия запчастей, покупаемая за наличку, от нас, естественно, уже уплыла. Я шепотом поведала Сереге и Наталье Ивановне о моих вчерашних приключениях, умолчав, разумеется, о Лериной перчатке, о паспорте и о том, что я видела Лериного мужа вчера вечером с огромной сумкой у железнодорожного переезда. Это все я хотела рассказать Витьке с глазу на глаз. Серега только головой покачал:

– Плакали наши денежки. А у тебя, Милка, будут большие неприятности, Витька – та еще гнида.

Я вздохнула и согласилась, потом занялась своей текущей работой, пока Витька не вызвал меня в кабинет. Он был хмур, зол, но матом ругаться перестал, запал прошел.

– Что думаешь делать?

– Витя, а ты звонил Лере домой, как там?

– Звони сама, этот козел со мной разговаривать не хочет, трубку вешает.

Я набрала номер, Лерин муж оказался дома – не работает он, что ли?

– Здравствуйте, это Мила с Лериной работы, у вас для меня никаких новостей?

– Нет, Лера не появлялась, я с утра был в милиции, оставил заявление, но искать они пока не будут, времени мало прошло.

– А вы сами звонили в больницы, морги?

– Звонил. – Судя по тому, как неуверенно он это произнес, этот тип никуда не звонил.

На этом я повесила трубку.

– Послушай, Витя, я хотела с тобой поговорить.

Но Витька смотрел на меня с ненавистью.

– Не о чем нам с тобой разговаривать. Вот найдешь деньги, тогда поговорим.

– Но где же я их найду?

– А мне какое дело? Я тебя для чего с ней посылал? Чтобы с денег глаз не спускала! Я тебе говорил, головой отвечаешь? И не сомневайся, ответишь мне, за все ответишь.

Так у нас и не получилось никакого разговора. Я отдала ему кассету с минусовыми файлами и ушла.

После работы меня уже ждал возле офиса мой бывший на машине. Увидев меня, он сказал, что решил сам заехать и взять письмо, потому что я его обязательно забуду. Это верно, у меня, конечно, все вылетело из головы. Борис подвез меня до дому, потом сказал, что поставит машину и подни-

мется. Я удивилась: с чего это он? Письмо Лешкино он взял, чего ему еще? Ну ладно, ссориться не хотелось, и я начала готовить ужин, сегодня продукты у меня были. Борька явился на кухню, прочитал Лешкино письмо вслух, мы еще раз просмотрели фотографии. За полгода в Штатах в здоровом климате и при хорошем питании наш сын из чахлого заморыша превратился в высокого загорелого симпатичного парня с белозубой улыбкой. Он писал, что занимается бегом и плаванием; зная нашего сына, я верила в это с трудом, но его внешний вид доказывал, что Лешка не врет. Мы поели, я вымыла посуду, но Борька и не делал попыток уходить.

– Тебе не пора? – наконец не выдержала я.

Он выглядел очень смущенным, топтался на месте и прятал глаза.

– Как ты себя чувствуешь? Колено как? Тебя не надо перebinтовать?

– Спасибо, я сама. – В моем голосе звучал ледяной холод. Он глубоко вздохнул и бросился на амбразуру:

– Послушай, Милка, дело в том, что моя... ну, в общем, она уехала в отпуск.

– На Канары? – ядовито поинтересовалась я.

– Нет, на Мальту.

– Ну-ну, и как там на Мальте?

– Что? Да я не знаю, я не был. И на это время приехала теща.

– Из Череповца? – Я развеселилась.

Борькина теща из Череповца – это что-то. Мне он, конечно, никогда не жаловался, но как-то я встретила Ирку, жену его приятеля, и она рассказала мне, что Борька со своей новой тещей на ножах, она его ненавидит, а он ее боится. Правда, эта теща первого своего зятя тоже ненавидела, он и сбежал. Так и надо Борьке, моя мать относилась к нему прекрасно – разумеется, до тех пор, пока мы не развелись. Теща приехала пасти своего внука, и Борьке придется на это время слиться из дома, иначе она его загрызет. Но я-то тут при чем?

– Ну и вот, я хотел было к матери на это время переехать, но к ней подруга приехала, а квартира-то у нее однокомнатная, и потом, мне нужен компьютер для работы.

– Зачем это тебе компьютер, если ты в банке работаешь? – спросила я, в душе уже понимая, к чему он клонит, но отказываясь верить.

– Дело в том, что я теперь в банке не работаю.

– А где ты работаешь? – Я уже начинала терять терпение.

– Да так, по разным местам – заказы у меня, сейчас дома работаю.

– Тебя что, уволили?

– Нет, я сам ушел.

Я сильно удивилась: какой же дурак бросит работу в банке, там же так хорошо платят, но потом решила, что это не мое дело.

– И я хотел тебя попросить, – мямлил Борька, – нельзя

ли мне пожить тут, в Лешкиной комнате, ненадолго? – Он просительно посмотрел на меня.

Хотя в глубине души я и догадывалась, к чему он клонит, не полная же я дура, но все равно подскочила на диване, как детский раскидайчик, забыв про коленку.

– Ты что? Ты это серьезно? Ты хочешь, чтобы я пустила тебя сюда жить? В эту квартиру?

– Да, а что? – Сказав самое главное, Борька успокоился, понимая, что хуже, чем сейчас, ему уже не будет.

А у меня просто не было слов от такой наглости.

– Послушай, а тебе не приходит в голову, что у меня может быть своя личная жизнь и ты мне в этой квартире абсолютно не нужен?

На самом деле на данный момент у меня не было никакой личной жизни, но Борьке знать об этом не следовало.

– Ну, я думал, что сейчас...

Понятно! Он все про меня знает, и про то, что с тем моим приятелем мы расстались еще перед Новым годом. Неужели он за мной следит? Я рассвирепела.

– Ну что ты ко мне привязался? Что ты торчишь тут бесконечно, Лешки уже полгода нет, а ты все тут? Ну дашь ты мне когда-нибудь пожить спокойно? Тещу боишься? Значит, либо убей тещу, либо снимай квартиру!

– У меня сейчас, чтобы квартиру снимать, и денег нет. Милка, у меня неприятности...

– Да у кого их нет? – отмахнулась я.

Он был прямо убит.

– Значит, не согласишься?

– Ни за что, – твердо ответила я. – Борис, ты сам подумай, не дело это, что ты будешь бегать туда-сюда, от одной жены к другой и обратно. Тебе самому-то не противно?

Он посмотрел на меня грустно, хотел что-то сказать, но махнул рукой и вышел в прихожую. И тут зазвонил телефон. Это был Витькин приятель Антон, тот самый, у кого я узнавала Лерин адрес.

– Здравствуй, солнышко, ты не забыла, что мне обещала?

Что я ему обещала? Ах да, вот бабник несчастный, знает же, что у меня неприятности, не до свиданий мне сейчас, так нет, все равно лезет!

– Так я подъеду, Мила? Пообщаемся!

– Извини, дорогой, – злорадно ответила я, – сегодня никак не могу, муж дома.

– Какой муж? – удивился Антон. – Нет же у тебя никакого мужа!

– Теперь есть, – сказала я, делая знаки Борьке, выглядывающему из прихожей.

Он подошел и сказал басом в самую трубку:

– Мила, с кем это ты разговариваешь?

– Да так, дорогой, пустяки, это подруга, – сказала я фальшивым голосом и повесила трубку.

Закурив сигарету, я расслабилась и начала думать. Если я все-таки разрешу Борьке немного пожить здесь, что мне от

этого будет? Соседи начнут сплетничать? Плевать на соседей! Жена его узнает? Конечно, узнает, но это их проблемы, пусть сами разбираются.

Я оглядела комнату и осталась недовольна. Сказать по правде, я порядочно распустилась после отъезда Лешки. Может быть, присутствие в доме мужчины меня дисциплинирует, я перестану разбрасывать лифчики по всей квартире и курить в комнате? А Борька отвадит таких наглецов, как Антон. И починит наконец бачок в туалете, а то уже неприлично, скоро придется ведром сливать. Конечно, мой бывший муж и домашнее хозяйство – две вещи несовместимые, но бачок я из него выбью, иначе сгоню с квартиры.

– Надолго твоя жена уехала?

– Недели на две-три.

– Ну ладно. Будешь жить в Лешкиной комнате, убирать сам, продукты покупать тоже сам. Две недели я выдержу. Лешке звонить – за свой счет. Иногда подвезешь меня куда-нибудь. Надеюсь, машину у тебя теща не забирает?

– Пока нет.

Он так обрадовался, что я пустила его жить, что готов был согласиться на что угодно. Я полезла в шкаф за постельным бельем, а Борька включил телевизор. Передавали вечерние новости. То, что я услышала, заставило меня сначала застыть на месте, потом я вскочила, ударилась головой о полку, так что искры из глаз, а шкаф чуть не рухнул. Борька бросился ко мне, но я знаками показала ему, чтобы сделал погромче.

– Сегодня в результате рейда транспортной милиции в товарном поезде на платформе была обнаружена сумка, в сумке находился труп молодой женщины.

Камера показала платформу, каких-то людей рядом, они открывали клетчатую сумку, в каких «челноки» возят вещи. Лица женщины, конечно, не показали, но бежевое пальто объяснило мне все. Это было Лерино бежевое пальто, и это Лерин труп ее муж засунул в клетчатую сумку и бросил на открытую платформу. Вчера вечером я видела это собственными глазами. Борис смотрел на меня выжидающе. Надо сейчас же ехать к этому типу, Лериному мужу. Никто, кроме меня, не знает, что он причастен к исчезновению Леры. Я прижму его к стенке, и пусть он наконец объяснит, зачем он ее убил, куда дел деньги и как Лерин паспорт оказался в кармане какого-то постороннего избитого мужика!

Я позвонила в дверь Лериной, вернее, бывшей Лериной, квартиры. Надо сказать, что дверь эта мне за последнее время порядком надоела, а видеть ее мне приходилось чаще, чем свою. И опять дверь не открывали, и опять я чувствовала, что там за дверью кто-то есть. То есть не кто-то, а известно кто – этот самый чертов муж. Мне все эти игры осточертели, и я гаркнула на всю лестницу:

– Открой дверь! Я слышу, как ты там сопишь!

Дверь тут же открылась, он и правда стоял на пороге и зашипел на меня, как гадюка:

– Тише вы! Ну что вы кричите, соседи же услышат!

– А что мне соседей бояться? Я ничего преступного не сделала! – И нарочно голос еще больше повысила, чувствую, он уже и так на грани истерики.

Он меня тащит в глубь квартиры, сам весь трясется и кричит шепотом, если такое возможно:

– Я вас умоляю, тише. Не кричите, да перестаньте же!

Я по всем законам самообороны использую движение противника в своих целях, то есть он меня тащит от дверей, а я еще сильнее на него напираю, чем его окончательно деморализую, и с ходу его огорошиваю:

– Ты Леру, жену свою, зарезал или задушил?

Тут он от меня отскочил как ошпаренный и завизжал тонким голосом:

– Не убивал я ее!

– Как это – не убивал? Я своими глазами видела, как ты сумку огромную отсюда волок и на железнодорожном переезде на платформу закинул, а что в этой сумке было – это в новостях телевизионных очень красочно показали!

Тут этот козел – ну не подобрать для него другого слова! – рухнул на диван (что характерно, на пол не стал падать, а прицельно на мягкий диван плюхнулся) и зарыдал, как обиженный ребенок. Я ему выдала без всякого снисхождения:

– А-а! Пришил жену, а теперь рыдаешь! Раньше рыдать надо было!

– Не убивал я ее! Это Нинка! Нинка ее... мальчиком!

– Какая Нинка? Каким еще мальчиком?

Я уже подумала, что он свихнулся от переживаний, и теперь я ничего не узнаю. Тут меня осенило. Я подседа к нему на диван, вспомнила все свои материнские навыки и стала его, как маленького, гладить по спине и утешать:

– Ну-ну, не плачь, Расскажи (чуть не сказала – маме), как все было. Ты ее не убивал? Ну вот и славно. А кто же ее тогда оприходовал?

Глажу его, ласково приговариваю, а самой и смешно, и противно. А на этого типа мой голос подействовал, он успокоился немного и начал рассказывать:

– Она... она пришла, неожиданно так, мы не ждали, мы тут с Ниной... ну... это, а она, Лера-то, она никогда раньше днем с работы не приходила, да и вечером тоже поздно... я же знаю, она с этим вашим Витькой... я видел, как он ее на машине куда-то... мы с ней поссорились... ну, я тут с Нинкой...

– Ага, понятненько. Жена – на работу, а ты бабу притащил. И она вас тепленькими застала. Чудненько. А дальше?

– Ну... она сразу в комнату, скандалить стала... Нинку за волосы, та тоже ей поддала...

– Я себе представляю! Жаль, не присутствовала!

– А потом... они уже совсем прямо стали как ненормальные...

– А ты-то куда смотрел? Не мог их разнять? Мужик же все-таки, посильнее их будешь.

– А она, Лерка-то, прямо как с цепи сорвалась, как будто сама не такая. Чуть Нинке глаза не выцарапала, тогда Нина ее мальчиком, случайно это вышло...

– Господи! Каким еще мальчиком? Что еще за мальчик такой?

– Вот. – Он ткнул пальцем в сторону тумбочки.

На тумбочке стояла здоровенная такая хреновина – то ли статуэтка, то ли пресс-папье в форме кудрявого мальчика, не то херувима, не то ангелочка – я в них не очень разбираюсь, но увесистый такой ангелочек. Таким по голове хряпнешь – мало не покажется. Да так, собственно, и получилось. У меня было первое движение этого мальчика в руку взять, взвесить, но потом я про отпечатки пальцев вспомнила и воздержалась. А он – вдовец этот безутешный – увидел, как я мальчика разглядываю, и говорит:

– Мы его помыли... Я то есть его помыл потом. Он весь в крови был.

– Аккуратный ты мужик, – говорю, – чистюля. А дальше-то что было?

– Ну... Нина ее, значит, мальчиком...

– Да хватит тебе про этого мальчика! Надоел уже!

– Да-да... Лера и упала... кровь, немного правда...

– Кровь тоже ты потом вытер?

– Ну да... Лера упала, я послушал – а сердце не бьется... –

Последние его слова перешли в стон.

– Прекрати ты! Ладно, досюда более-менее понятно.

Дальше что было?

– Я Нинке говорю: «Ты же ее убила...» А она стоит столбом, а потом, пока я тряпку под Леру подкладывал, чтобы кровь не на ковер, Нинка в коридор, вещи свои подхватила и бежать, я и моргнуть не успел.

– Ну а дальше что?

– Дальше... дальше я ее, Леру, то есть труп... в сумку за-
пахал и в кладовку... не знал, что мне делать.

Я представила, как он закидывает в клетчатую сумку еще не остывшее тело жены, и мне стало нехорошо.

– Потом вы пришли, сначала вы одна, а потом с этим... с шефом вашим.

– Встретил ты нас, надо сказать, довольно бодро. А перчатку Лерину ты ведь только потом убрал?

– Да, а вы и перчатку заметили?

– А как же!

– А потом, ночью уже, я ее на машине отвез, хотел подальше в лес куда-нибудь, а тут состав на переезде, я и подумал, что ее увезут подальше, а там никто концов не найдет...

– Это я видела. А состав-то не в ту сторону пошел! Не повезло тебе! Но ты мне лучше скажи, куда ты деньги дел?

– Деньги? – В его голосе прозвучало неподдельное удивление.

– Да, деньги, те, которые были у Леры в сумке. Деньги фирмы.

Он резко сел на диване, чуть не столкнув меня на пол. От

удивления он совершенно перестал стонать и всхлипывать.

– В Лериной сумке?

– Ну да! Ты идиота-то не строй! – Я начала нервничать и разозлилась зверски. – Где деньги?

Он сорвался с места, помчался в коридор, порылся в стенном шкафу и вытащил Лерину сумку. Я вырвала сумку у него из рук и вытряхнула содержимое на диван. Косметичка, кошелек, детектив в яркой обложке, калькулятор, еще какая-то дребедень – и больше ничего. Я оглядела сумку. Застежка была на месте, а сама сумка была какая-то не такая, похожа на Лерину, но не та: ремешок поуже, кармашек в другом месте... Я посмотрела на этого козла так, что он присел на диван, ноги его не держали.

– Ты что мне подсовываешь? Это не ее сумка, и денег, как видишь, там никаких нету!

– Как – не ее? А чья же тогда? Господи! – Он схватился за голову. – Да ведь это Нинка сумки перепутала. Она вместо своей Лерину схватила!

– Слушай, друг, но ведь врешь же все! Все у тебя Нина: и жену убила, и деньги сперла! Нина у него, видишь ли, злодейка, а сам он – херувим святой! – Я покосилась на того самого массивного ангелочка, которым приложили Леру. – Ищи, козел, деньги где хочешь!

– А большие деньги-то?

– Для нас с тобой – очень большие, пятьдесят тысяч баксов.

– Не знаю я ни про какие деньги, может, там и не было ничего.

– Не было? А что я тогда к тебе хожу? Слушай, мне твоя Лера до лампочки, отношения у нас были так себе, я по ней горевать не стану.

Нехорошо было, конечно, так говорить про покойницу, но человек, который способен собственную жену запихать в сумку и кинуть черт-те куда, вызывал у меня только отвращение. Ну надо же, две в общем-то нормальные бабы разодрались, да так, что одна другую убила из-за этого барахла! И ведь абсолютно ясно, что этот козел не был нужен ни жене, ни любовнице. Так чего же они тогда дрались? Нет, правильно говорят, что у народа крыша совсем поехала. Между тем этот тип, Лерин муж, поглядывал на меня злобно.

– Но-но, ты на мальчика-то не поглядывай или что там у тебя еще есть, гантели? Хочешь и меня, как жену? Ишь, разохотился! Имей в виду, меня внизу человек ждет в машине. И если я через двадцать минут не выйду, он сам сюда придет, так что оставь пресс-папье в покое, оно тебе не понадобится. Так вот, я тебе еще раз повторяю, что в сумке у Леры было пятьдесят тысяч баксов, твоей-то жене уже все равно, а мне моя голова нужна на плечах, а не где-то. Эта твоя Нина кто такая, где ты ее взял?

– Ну, мы работаем вместе.

– Где работаете?

– В туристическом агентстве.

– Значит, вчера, в понедельник, вы с ней вместо работы пошли сюда, потом она слиняла с Лериной сумкой и больше ты ее не видел?

– Все так, она сегодня на работу не пришла.

– И где эта твоя Нина живет?

– Я не знаю, я у нее не был.

– Что? Сам с ней спишь, а где живет – не знаешь?

– У нее квартира новая, недавно они переехали, я телефон только...

– Давай сюда телефон.

Я набрала номер, но никто не снимал трубку.

– Я же говорю, я ей звоню, а дома никого нет...

– Кто там еще у нее в квартире?

– Муж должен быть.

– Мужа как зовут, не знаешь?

– Не знаю, а ее фамилия Березина, Нина Березина.

– Ну ладно, сегодня уже поздно, а завтра с утра поедem туда к Нине этой Березиной, надо ее найти. А может, она на работу выйдет, тогда ты сразу мне звони. Ты пойми, у тебя сейчас с милицией неприятностей будет достаточно, на тебя первого подозрение упадет, так что с нашей фирмой тебе надо все уладить.

Раздался звонок в дверь. На пороге стоял Борис. Я взглянула на часы: все точно, как договаривались, ничего не перепутал. Я посмотрела на него почти с нежностью, так как после общения с этим чучелом, Лериным мужем, Борька ка-

зался мне чистым золотом. Борька грозно взглянул на этого охламона, вжавшегося в спинку дивана, потом взял меня за руку и увел.

В машине мы молчали, а дома, пока он ставил машину на стоянку, я быстро умылась, почистила зубы и легла. Увидев, что у меня в комнате темно, Борька не посмел постучать, хотя, как я понимаю, хотел задать мне множество вопросов и получить на них вразумительные ответы.

Среда, 24 марта

Получив очередной сигнал в «Заре», Мастер позвонил по нужному номеру.

– Телемастера заказывали?

– Заказывали.

– Какой у вас телевизор?

– «Панасоник».

– Как – «Панасоник»?! – Мастер почувствовал легкое волнение. – «Панасоник» же уже отремонтировали! Теперь вы должны оплатить ремонт.

– Что вы несете! Только сейчас сложилась подходящая обстановка для «ремонта»!

– Ваш адрес не на улице Смирницкого?

– Какой еще Смирницкий? Наш адрес – улица Руднева, дом 5, квартира 15.

Мастер стоял в телефонной будке, лихорадочно обдумы-

вая ситуацию. Одно из двух: или заказчик пытается играть с ним, с Мастером, пытается уклониться от оплаты или получить два заказа вместо одного – или... или произошла чудовищная ошибка, и он проделал никем не заказанную работу. В первом случае заказчик должен быть обязательно наказан. В этом нет ничего личного, ничего эмоционального – Мастер при его профессии не мог быть человеком эмоциональным; это было необходимо для сохранения репутации. Каждый потенциальный заказчик должен знать, что дела с ним можно вести только честно. Во втором случае в общем-то никто не виноват, просто цепь нелепых случайных совпадений, – и тогда заказ надо выполнять. Правда, жизненный опыт приучил Мастера верить только в один вид случайных совпадений – в совпадения, хорошо подготовленные. Но за версию случайности говорили два факта: показавшийся ему странным предыдущий разговор с заказчиком и явное несходство голосов. Голос, конечно, можно изменить...

Решения надо было принимать немедленно. Все размышления заняли не больше секунды, Мастер продолжил разговор совершенно спокойным тоном:

– Время?

Перед работой я позвонила этой Нине по телефону-автомату возле метро. Трубку снял мужчина.

– Доброе утро, могу я попросить Нину?

– А кто ее спрашивает?

– Это подруга, а Нина-то дома?

– Представьтесь, пожалуйста, – сказал мужчина официальным голосом.

– Валя, – брякнула я первое попавшееся имя.

– Нет, назовите имя, фамилию и отчество.

– Пошел ты. – Я повесила трубку и вылетела из будки.

Что-то тут не так, голос мужской может только мужу принадлежать, а мужья так не разговаривают. Что же у них там происходит?

На работе я застала только Сергея. Витька с Натальей Ивановной уехали в налоговую разбираться с документами. Я села за компьютер и нашла программу базы данных ГУВД, с помощью которой можно было выяснить по телефону и фамилии человека его домашний адрес и вообще все паспортные данные. Так, Березина Нина Алексеевна, год рождения, домашний адрес, это где-то в Выборгском районе, муж, тоже Березин, детей нет. Я записала адрес, в это время зазвонил телефон. Это был все тот же Лерин муж, вернее, бывший муж. Умирающим голосом он сообщил мне, что на работу звонила какая-то Нинина родственница и сказала, что Нину с мужем вчера нашли в их квартире убитыми и что, похоже, муж Нину убил из ревности, а потом – сам себя, потому что соседи слышали жуткий скандал.

– А больше ничего не известно? – Я намекала на деньги.

– Пока ничего. – Я различала в трубке стук его зубов.

Да, влетел мужичок здорово, с одной стороны – мертвая

жена в сумке, с другой – мертвая любовница, он вроде бы никого не убивал, но подозрения против него сильнейшие и там, и тут. Вот на чьем месте я не хотела бы сейчас оказаться; впрочем, мне и на моем несладко.

– Сиди тихо, от всего отпирайся. Не видел, не знаю. Я сама с тобой свяжусь. Все, отбой.

Витька с Натальей вернулись из налоговой. Штрафов, конечно, насчитали, но не смертельно, но Витька, как всегда, был на взводе. Наорав на нас, обозвав дармоедами и кое-чем похлеще, он выскочил в магазин и там обложил продавцов. Наталья в это время тихонько рассказала нам, что, если бы этот урод, она имела в виду Витьку, вел себя в налоговой по-другому, то штрафов насчитали бы вполовину меньше. По-немногу все вошло в привычную колею, а после обеда началось.

Приехали двое из милиции, заперлись с Витькой, долго говорили, а потом стали вызывать всех нас. Уж не знаю, как за такое короткое время, но они определили, что мертвая женщина в клетчатой сумке – это наша Лера. Витька сказал им, что отпустил нас с Лерой поработать над товарным отчетом, а про налоговую инспекцию мы ничего не знали. Я со своей стороны рассказала про троллейбус, про то, как свалилась и в доказательство предъявила забинтованную коленку. И про первый визит к Лериному мужу я тоже рассказала. Ничего не сказала я работникам милиции только про то, что видела, как муж увозил Лерин труп в сумке, про его Нину,

этого еще не хватало, про избитого на помойке человека и про Лерин паспорт, который я нашла в кармане его куртки. Словом, уголовная ответственность за дачу ложных показаний мне была обеспечена. Менты сказали, что Лериного мужа уже допрашивали, он говорит, что домой зашел случайно, Леру не видел, не приходила она домой. Что ж, пока этот козел держится правильно, вопрос, надолго ли его хватит?

Милиционеры ушли, магазин Витька закрыл, продавцов отпустил. Наталья с Серегой закончили свои дела и тоже ушли. Мне Витька велел остаться. Был он какой-то непривычно тихий, жалел Леру, может быть, действительно она ему так сильно нравилась? Он завел меня в кабинет, усадил и спросил:

– Ну, говори быстро и подробно, что там случилось?

Я только открыла рот, чтобы наконец рассказать ему всю эту невероятную историю, но он вдруг зашипел на меня:

– Говори, сука, что ты с ней сделала?

Я так и села на месте.

– Витя, да ты что, что я могла сама с ней сделать?

– Знаю, что не сама, говори, кто тебе помогал, кого наняла и с кем деньги поделила?

– Витька, да ты что? – Я уже начала злиться, понятно, в горе человек, но не до такой же степени, надо же своим словам отчет отдавать! – Витя, да ты не на меня ли думаешь?

– А на кого же мне еще думать? Тебя с ней последний раз видели, а потом она пропала вдруг. А денежки-то пятьдесят

тысяч баксов – тю-тю! Для тебя это сумма, ты нищая, мужиком брошенная, ходишь вон чуть не с голым задом, вот и польстилась на денежки.

– Да ты что? Как ты можешь? Да мы же с тобой больше двадцати лет знакомы! Мы же с тобой к Ленке в роддом вместе ходили, когда дочка твоя родилась!

– Ну и что? – спросил он равнодушно, и я поняла, что для него все мои аргументы – тьфу!

– В общем, так. Деньги ты мне все эти вернешь. Все до рубля. В память о нашей прежней дружбе не буду с тебя проценты брать. А потом, когда деньги вернешь, я подумаю, какое тебе наказание назначить за мой моральный ущерб.

Тут я поняла, что, если расскажу ему все в подробностях, он все равно мне не поверит.

– Где же я возьму эти деньги? У меня их нет.

– Твои проблемы. Квартиру продавай.

Ах, сволочь какая! Значит, верит он мне, знает, что не брала я этих денег, а все равно требует.

– А если я не отдам их?

– Есть способы, сама знаешь какие.

Я заглянула ему в глаза и поняла, что он действительно напустит на меня своих отморозков с утюгами и паяльниками, и я отдам им все, что у меня есть, и квартиру в придачу. Витька усмехнулся, как-то странно оскалив зубы.

– Разные есть способы, как от женщины деньги получить. Дети, например.

Я похолодела, а Витька все понял по моему лицу.

– Думаешь, Америка далеко? Теперь все близко, самолеты всюду летают. В общем, сроку тебе две недели. Теперь иди.

Я шла к метро спотыкаясь и ничего не видя перед собой. Врет, все врёт этот подонок. Станет он кого-то нанимать, чтобы Лешку в Америке убить. Тоже мне, мафиози нашелся. На самом-то деле наш Витюша мелкая сошка, но строит из себя! Женщину беспомощную напугать до полусмерти – это он может. Господи, за что мне все это?

Дома Борис ждал меня с ужином. Есть абсолютно не хотелось, я отказалась, тогда он стал меня воспитывать, что нужно нормально питаться, а то я заболēju. Как раз сейчас вовремя! Борька глядел на меня жалостливо и готов был кормить чуть ли не с ложки. Я сказала, чтобы он оставил меня в покое, а если уж совсем нечего делать, то пусть займется бачком, а то мигом сгоню с квартиры. Он обиделся. А я хлопнула дверью и легла. Сон, естественно, не шел, какой уж тут сон!

Все рухнуло, теперь я останусь ни с чем, придется отдать квартиру, Витька не оставит меня в покое. Деньги, судя по всему, пропали, теперь не найти. И все мои планы рухнули как карточный домик.

Дело в том, что я задумала оставить Лешку в Штатах. Нечего ему делать здесь, у нас. После окончания университета кем бы он стал? Нищим физиком или безработным. А там, в Штатах, ученые не бедствуют. Но мое сокровище по-

желало, видите ли, учиться если там, то только в Массачусетсском технологическом институте. Там, и только там, он может получить серьезное образование, ну и у нас, конечно. А остальные колледжи и университеты – это ерунда. Пожалуйста, если бы у меня были деньги – ради Бога! Этот институт там очень котируется, поэтому стипендию моему сыну не дадут. Зачем тратить деньги, когда можно взять на его место студента, способного оплатить обучение! Но Лешка был непреклонен: или он поступает в этот институт, или возвращается домой. За первый год обучения надо было платить 10 тысяч долларов.

Мой план был такой. Заработки в Витькиной фирме были неплохие. Мне удавалось откладывать в месяц долларов 200–250, конечно, при жесткой экономии. Поэтому Витька и издевался надо мной, что я хожу как бомж, я действительно не могла позволить себе покупать дорогую одежду. Таким образом, к лету, когда надо было вносить деньги, у меня было бы три тысячи. Две тысячи я собиралась вытрясти из Борьки, он неплохо зарабатывал, а если нет денег, то пусть попросит у свекрови, у нее есть кое-какой антиквариат, бриллианты. В конце концов, Лешка – ее единственный внук! Итого получалось пять тысяч. А за остальные пять я собиралась продаться Витьке душой и телом, занять их у него на год и отработать помаленьку. А потом там, в Массачусетсе, поймут, какой Лешка гениальный, и дадут ему стипендию.

И теперь все полетело псу под хвост! И Лешка вернется сюда, а где он будет жить, если даже квартиру придется продать?! Я почувствовала, что плачу. Слезы текли и текли, я не могла остановиться, облегчения не было, хотелось рыдать громко и со вкусом, но я боялась, что услышит Борька за стенкой. От этой мысли мне стало еще хуже: вот, в собственной квартире даже пореветь не могу в свое удовольствие. Я разозлилась, перестала сдерживаться и зарыдала от души. Дверь открылась, Борька подошел, молча меня обнял, стал гладить по голове, а я рыдала не переставая – было очень себя жалко и удобно на широкой мужской груди.

Через какое-то время понемногу я успокоилась и заметила по некоторым признакам, что его мысли приняли другое направление, не совсем утешительное, скажем так. Я сделала слабую попытку освободиться из его объятий, он не пустил, меня охватила какая-то невесомость, он уже целовал меня в лицо, в шею... в самом деле, какого черта! Я не зазывала его к себе, не соблазняла, он все сам. И пускай его стерва там, на своей Мальте, сгорит в уголья!

М-да-а, надо признать, что за эти два года он многому научился. Все было прекрасно, но это совершенно не решает моих проблем! Но думать о неприятностях не хотелось и разговаривать с Борькой тоже не хотелось. И пока он шептал разные ласковые слова, я тихонько свернулась калачиком и заснула так крепко, как давно уже не спала.

В среду же утром на лестнице раздалось бодрое «гав-гав». Надежда открыла дверь. Симпатичный скотч-терьер стоял на площадке и хитро поглядывал на нее глазами-бусинками.

– Ой, Тяпочка, золотце, ты что – один?

– Да иду я, иду. – Соседка Мария Петровна поднималась по лестнице. – Опять лифт не работает. – Она остановилась отдышаться. – А ты что, сегодня не на работе?

– Да у нас отопление отключили за неуплату. Так что до тепла будем дома работать, раз в неделю только в институт приходить. Зарплату задерживают, так что дешевле дома сидеть, деньги на проезд не тратить.

Мария Петровна подошла поближе и, понизив голос, кивнула на дверь соседей:

– Что творится, а?

– Да, ужас!

Соседей по площадке, недавно въехавшую довольно молодую пару, вчера нашли мертвыми в собственной квартире. Мария Петровна была пенсионеркой, жила с убитыми соседями через стенку, имела массу знакомых собачников – словом, все всегда знала. Надежда хотела расспросить ее подробно не просто из праздного любопытства, поэтому пригласила:

– Заходите, Мария Петровна, кофейку выпьем.

– Да я еще не завтракала.

– Вот и позавтракаем.

– А твой-то где? – Это она про Надеждиного мужа Сан

Саныча, которого она не то чтобы не любила, а немножко стеснялась.

Муж у Надежды был второй, старше ее на пять лет, то есть сейчас ему было уже за пятьдесят. Человек он был серьезный, положительный, посторонним казался даже немножко суховатым и занудливым; и, разумеется, такие простые мужские радости, как валяться в воскресенье перед телевизором в майке и старых тренировочных штанах, попивая пиво, были ему абсолютно недоступны. Дома он всегда ходил очень аккуратно, в чистой рубашке и чуть ли не в галстук. Мария Петровна Надеждиного мужа уважала, но зайти по-соседски всегда предпочитала, когда он отсутствует.

– Да нет его, ушел сегодня пораньше.

– Ну ладно, сейчас Тяпку запру и приду.

Надеждин рыжий кот Бейсик относился к Тяпе по-соседски неплохо, хотя собак, естественно, не любил, но в собственной квартире, охраняя, так сказать, свою территорию, мог устроить скандал. Надеждин муж Сан Саныч, имея взрослого сына, невестку и внука, живущих отдельно, всю свою нерастрченную нежность перенес на кота и обожал его, по мнению Надежды, даже слишком сильно. Наглый котяра этим пользовался и абсолютно распустился.

Надежда сварила кофе, сделала бутерброды, поставила на стол вазочку с печеньем, усадила Марию Петровну поудобнее и приготовилась слушать. Долго молчать о вчерашних событиях соседка не могла, ее переполняли чувства.

– Подумай, Надя, что на свете творится, такие приличные люди и такое с собой сотворили!

– А как все случилось-то?

– Вчера утром сижу я дома, только с Тяпкой погуляла, вдруг слышу крики ужасные. Я сначала не поняла, думала, что телевизор кто-то врубил на полную мощность, а потом думаю – что же это за фильм, почему я не смотрю? Я включила, пощелкала – нет ничего похожего. А потом чувствую – за стенкой это орут.

– А что кричали-то?

– Мужской голос все больше, да ты такая-сякая, сука, да я тебя с твоим хахалем видел, да я давно все знаю, да у тебя, говорит, совести нет совсем, на кого меня променяла, а дальше совсем нехорошими словами. А она ему отвечает, что видеть его не может, осточертел он ей, и готова она хоть голая от него уйти, так он ее достал. И что в постели от него никакого толку, так по ее разговорам получается, что вообще он не мужик.

– Ну уж!

– Вот я тебе говорю все как есть! Мне так даже неудобно стало, как будто я подслушиваю, а куда денешься, если в наших домах слышимость такая! А потом там крики такие начались, она орет: «Гена, Гена, не надо, что ты, больно мне», – видно, он ее бить начал. И грохот такой, посуда бьется. Я прямо не знаю, что и делать, а потом стон раздался женский, потом возня какая-то – и все стихло.

Мария Петровна перевела дух и отхлебнула остывший кофе.

– И бежит вдруг Валентина с пятого этажа, что над ними в квартире живет. Ее с работы сократили, она сейчас с внуком сидит, а невестка работает. Звонит она ко мне прямо с ребенком на руках, что-то там, говорит, нехорошее случилось, такие крики, у меня Дениска проснулся, дома одной страшно. Послушали мы еще немного, там тишина. Она и говорит, давайте в квартиру позвоним. А я говорю, неудобно, может, там люди отношения выясняют, а мы тут припремся. Позвонила туда по телефону, трубку никто не берет. Тогда Валя звякнула им в звонок. Полная тишина в ответ. Ну что делать. Позвонила я участковому нашему Павлу Савельичу. Все ему рассказала, он говорит, подождите еще немного, я потом подойду. Пришел он где-то через час, звонил-звонил в дверь, потом Иван Иваныч из ЖЭКа подошел, замок сломали, настало милиция не пустила, но Павел Савельич говорит – кошмар! Она на кровати лежит зарезанная, а Гена, муж-то, – на полу. И кровищи кругом! Зарезал он ее, а потом – сам себя. Вот такая история. Прямо фильм ужасов.

– Выпейте еще кофейку, Мария Петровна.

– Спасибо, налей. Вот ты скажи мне, Надя, раз у них такие отношения были плохие, зачем им было с обменом заводить, квартиру ремонтировать, ведь такие деньги на ремонт вгрохали! Ведь стену одну полностью сломали между комнатой и кухней, ты помнишь, выносили прямо глыбы бе-

тонные!

– Да уж, помню.

Соседи въехали к ним недавно, сделали в трехкомнатной квартире евроремонт, что в их простом девятиэтажном доме было всем удивительно. Мария Петровна продолжала:

– И я на нее удивляюсь. Если уж так тебе плохо с мужем, что видеть его не можешь, то разводись. Детей нет, она сама зарабатывала, чего ж мучиться? А если это у нее было так, минутное увлечение, то зачем же было мужу такие слова кричать, что он в постели не мужик? Этого никто не вытерпит, вот он ее и убил.

– Да, странно все это, не похоже на них. Он такой мужичина был спокойный, вежливый, она, конечно, полегкомысленнее, повульгарнее, но тоже ничего. Молодые люди теперь рациональные, сильными страстями не живут. И вдруг – такое.

– Вот и я говорю. Всегда тишина у них; правда, конечно, в будни-то они оба на работе, а где он работал, ты не знаешь?

– Надо полагать, приличная у него была работа, раз квартиру купили и такой ремонт сделали.

– А ты, Надежда, небось и незнакома с ними была? Хотя и давно у нас в доме живешь, а с соседями не дружишь.

Надежда не стала рассказывать Марии Петровне, что с соседями новыми она была довольно хорошо знакома, что сосед, Геннадий, подвозил ее как-то по утрам на машине раза два и что она даже обменивалась с ними видеокассетами. Муж возился со своим видеоманитофоном, как ребенок с

новой игрушкой. Своих кассет у них пока еще было мало, поэтому Надежда с удовольствием согласилась меняться с соседями. Обмен был неравноценный: те давали три, а Надежда – одну. И в прошлую субботу Надежда тоже дала им кассету, и, что самое неприятное, не свою, а чужую. Муж принес с работы на несколько дней забавный фильм про животных. В понедельник Надежда пришла поздно, звонить к соседям было уже неудобно, а вчера Мария Петровна огорошила ее страшной новостью. И теперь надо было признаваться мужу, что чужая кассета пропала, потому что достать ее не было никакой возможности.

– Мария Петровна, а вы не знаете, почему они оба вчера дома были, на работу, что ли, не надо?

– Про вчера не знаю, а в понедельник я ее, Нину, встретила днем, идет такая расстроенная, руки в карманы, говорит, сумочку вырвали прямо на улице.

– Да что вы? А где же это было?

– Я не спросила, она такая расстроенная была, хорошо, говорит, что ключи в кармане были и карточка, а то и до дому не доехать, и в дом не попасть.

– А в сумке денег много было?

– Да нет, говорила, немного, и документов не было. А все остальное – это дело наживное. Вот тебе и наживное...

В это время раздался звонок в дверь. Надежда открыла и обомлела на месте: на пороге стояла следователь прокуратуры Анна Николаевна Громова.

Давно, пять лет назад, у них в институте, где работала Надежда, произошло убийство. Сначала думали, что это несчастный случай, но за дело взялась Громова, и был у нее на подозрении Сан Саныч, тогда еще Надежде никакой не муж, а просто начальник. Надежде очень не понравились тогда громовские методы, потому что она поверила в то, что Сан Саныч не виноват ни в самоубийстве, ни в убийстве их коллеги. Чтобы спасти Сан Саныча Надежда сама взялась за расследование, дело оказалось ужасно запутанным. Сан Саныч, естественно, был ни при чем, и за это время они с Надеждой так успели понравиться друг другу, что решили пожениться, но тем не менее к Громовой Надежда не испытывала теплых чувств. Громова относилась к этому индифферентно, потому что и не подозревала о Надеждином существовании.

– Здравствуйте. – Громова представилась. – Пройдите, пожалуйста, в соседнюю квартиру, нам нужны поняты. А вы кто будете? – Это она Марии Петровне.

– Соседка из квартиры рядом.

– Очень хорошо. Паспорта не забудьте.

Когда она читала Надеждин паспорт, Надежда внимательно на нее смотрела.

– Лебедева Надежда Николаевна, а где вы работаете?

Надежда назвала свой НИИ. В глазах Громовой промелькнуло какое-то воспоминание, потом она помрачнела и вернула Надежде паспорт молча. Марию Петровну уже допросили,

теперь снимали показания с участкового Павла Савельевича. Оперы и следователь находились в спальне, участковый показывал на месте, как все было, когда он вошел. Надежда с Марией Петровной сидели в гостиной. Надежда незаметно оглядывалась по сторонам. Красивая стенка, удобная мягкая мебель – уютная комната. И что людям не жилось? На тумбе в углу стоял телевизор, рядом – видеомаягнитофон. Внизу в ряд выстроились кассеты – все одной фирмы, «Сони». А ее кассета была другая. Надежда незаметно прямо со стулом подвинулась ближе к видеомаягнитофону, так и есть, футляр от ее кассеты «Самсунг» валялся рядом, значит, кассета там, внутри. Она наклонилась к Марии Петровне:

– Мария Петровна, это моя кассета осталась у них. Она вообще-то чужая, мне от Саши попадет. А эти ведь ни за что не отдадут. Начнут спрашивать да расспрашивать...

Соседка кивнула:

– Ясное дело, не отдадут. Бери сама, и дело с концом. Я послежу.

Надежда аккуратно, по ковру пододвинула стул еще ближе, нажала кнопку на видеомаягнитофоне, кассета вылезла наружу, она схватила ее и быстро сунула в карман мужниной домашней вязаной куртки, которую второпях накинула на себя, когда Громова пригласила их с Марией Петровной в понятияе.

Придя к себе домой, Надежда вытащила из кармана зло-

дейски похищенную кассету и усталилась на нее в некоторой растерянности. Кассета была как бы и не та. Вроде тоже фирмы «Самсунг», 180 минут, но что-то немножко отличалось от той кассеты, которую она давала соседке. Чтобы окончательно проверить свои сомнения, она вставила кассету в видеомэгнитофон. Кассета была смотана почти до конца, но проверить можно было в любом месте, и перематывать Надежда не стала, просто включила воспроизведение. Как ни странно, на экране появилась просто настроечная сетка, какая передается по сети при отсутствии передач. Надежда пожала плечами – кому понадобилось записывать пустой экран? Как это часто бывает, на звуковую дорожку записалась передача городской радиотрансляционной сети. Надежда невольно прислушалась. Передавали прогноз погоды:

– Сегодня, 23 марта, в Санкт-Петербурге и пригородах ожидается облачная, с прояснениями, погода, температура 0 – минус 2 градуса, ветер умеренный, северо-западного направления, 5–7 метров в секунду. Завтра, 24 марта, ожидается понижение температуры на 2–3 градуса...

Надежда насторожилась. Так-так... Такой прогноз погоды передают перед двенадцатью часами дня. И действительно, после прогноза погоды прозвучали сигналы точного времени. Значит, запись на этой кассете была сделана вчера около полудня или буквально через несколько минут после того, как соседи слышали доносящиеся из квартиры Березиных страшные крики. Тут что-то не так. Надежда промотала кас-

сету немного назад. В этом месте записи еще не было, тогда она пустила ускоренный просмотр и нашла место, с которого начиналась запись. Взяла часы с секундной стрелкой. Запись началась вчера в одиннадцать часов пятьдесят две минуты, и продолжалась эта странная запись ровно одиннадцать минут. Когда кассета дошла до конца, автоматически включилась обратная перемотка. Немного подождав, Надежда нажала на пульте кнопку воспроизведения и снова увидела экран, расчерченный настроенной сеткой. А если нажать не на воспроизведение, а на запись, то начнется запись телепередачи, транслирующейся в данный момент по телевизору. Таким образом, если кто-то вчера в квартире Березиных включил видик на запись в одиннадцать часов пятьдесят две минуты, то мы как раз и получили бы то, что сейчас записано на кассете. Однако, судя по показаниям соседей, именно в это время... Надежда бегом кинулась звонить в квартиру к Марии Петровне.

– Ты чего это, Надя, такая взволнованная?

– Мария Петровна, вспомните, пожалуйста, вы время точное не заметили, когда у Березиных крики слышали?

– А чего мне вспоминать? Я все хорошо помню, и следовательно уже рассказала. Когда крики начались, я ведь сначала подумала, что это телевизор у кого-то работает, ну и посмотрела на часы, чтобы в программе определить, что за фильм.

– Ну и сколько же было времени?

– Так без десяти двенадцать.

– Без десяти? А не без двадцати?

– Да что ты, у меня пока еще склероза нету.

– А на какие часы вы смотрели? – подозрительно уточнила

Надежда.

– Ну, ты по части допроса похлеще этой следовательши Громовой будешь. Тебе надо в прокуратуре работать, – недовольно проговорила Мария Петровна.

– Да вы не обижайтесь, Мария Петровна, просто я вот на эти ваши настенные часы смотрю, а они ведь на десять минут спешат.

– Ой, правда? Ну-ка, я по телефону проверю.

Соседка набрала по телефону номер точного времени и уставилась на Надежду с уважением во взгляде:

– Ты смотри, и правда спешат... Выходит, я следователя Громову обманула...

– Значит, вы на эти часы вчера смотрели?

– На эти самые.

– Тогда выходит, что крики не без десяти, а без двадцати двенадцать начались?

– Выходит, так. Ну и что с того?

– А выходит, Мария Петровна, что не сами Березины друг дружку убили, а кто-то их обоих пришил, а потом все дело так обставил, что это они сами... Очень хитро все придумано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.